

ЛЕСНАЯ ПЕСНЯ
Драма-феерия в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Пролог

Тот, кто плотины рвет. Русалка.
Потерчата (двое). Водяной.

Действие первое

Дядя Лев. Перелесник.
Лукаш. Лихорадка (без слов).
Русалка. Потерчата.
Леший. Куц.
Мавка.

Действие второе

Мать Лукаша. Килина.
Лукаш. Русалка.
Дядя Лев. Тот, кто в скале сидит.
Мавка. Перелесник.
Полевая русалка.

Действие третье

Мавка. Мальчик.
Леший. Лукаш.
Куц. Дети Килины (без слов).
Злыдни. Доля.
Мать Лукаша. Перелесник.
Килина.

П Р О Л О Г

Старый, густой, девственный лес на Воляни. Среди леса просторная поляна с плакучей березой и огромным столетним дубом. С краю поляна переходит в кочки и тростник, а в одном месте в ярко-зеленую трясину — то берега лесного озера, образовавшегося из лесного ручья. Ручей этот струится из чащи леса, впадает в озеро, потом на другой стороне озера вновь вытекает и теряется в зарослях. Само озеро — тиховодное, покрытое ряской и водорослями, но с чистым плесом посреди. Вся местность — дикая, таинственная, но не мрачная, — она полна нежной, задумчивой красоты Полесья.

Ранняя весна. На опушке леса и на поляне зеленеет первая травка, цветут подснежники и сон-трава. Деревья еще без листьев, но покрыты почками, которые вот-вот распустятся. На озере туман то лежит пеленою, то клубится от ветра, то расступается, открывая бледно-голубую воду.

В лесу что-то заговорило, ручеек ожил и зажурчал, и вместе с его водою из леса выбежал Тот, кто плотины рвет, молодой, белый, синеглазый, с буйными и вместе с тем плавными движениями, одежда на нем переливается красками — от мутно-желтой до ярко-голубой — и сверкает острыми золотистыми искрами. Бросившись из ручья в озеро, он начинает кружиться по плесу, волнуя сонную воду; туман тает, вода синееет.

Тот, кто плотины рвет

С вершин в долину
Потоками я хлынул!
Мосты разбиваю,
Плотины размываю,
Все гати, все запруды
Свожу на нет повсюду, —
Весенняя вода,
Как воля, молода!

(Волнует воду еще больше, ныряет и вновь показывается, словно ищет что-то в воде.)

Потерчата

(двое маленьких бледных детей в беленьких рубашках выплывают из-под водорослей)

Первый

Чего ты здесь блуждаешь?

Второй

Зачем нам спать мешаешь?

Первый

Мать сама в постель нас клала,
Мягко-мягко нам постлала:
На кореньях, на каменьях

Настелила трав осенних,
Сверху листьями прикрыла,
Пела песню, говорила:
«Люли, люли, люленьки,
Спите, мои гуленьки!»

В т о р о й

Чего же здесь ты рыщешь?

П е р в ы й

Кого же здесь ты ищешь?

Т о т , к т о п л о т и н ы р в е т

Любовь былую —
Русалку молодую.
Кого сравнишь с такою —
С царевной водяною!
Я шел горами,
Долинами, ярами, —
Нигде не встретил краше,
Чем озерянка ваша.
Всю воду разволную —
Найду свою родную.
(Бурно волнует воду.)

П о т е р ч а т а

Не надо, погоди!
Наш домик пощади!
Убога наша хатка —
Бедна, тесна и шатка,
И нет у нас защиты,
Ведь мы отцом забыты...
(Умоляя, цепляются за его руки.)
Мы спустимся на дно,
Где холодно, темно, —
На дне русалка снова
Сидит над рыболовом...

Т о т , к т о п л о т и н ы р в е т

Так пусть не ожидает,
Ко мне наверх всплывает!

Потерчата ныряют в озеро.

Встреча настала!

Русалка выплывает и пленительно улыбается, радостно складывая ладони. На ней два венка: один — большой, зеленый, другой — маленький, вроде коронки, жемчужный, из-под него спускается прозрачное покрывало.

Русалка

О, радость долгожданная!

Тот, кто плотины рвет
(грозно)

Где пропадала?

Русалка

*(бросается будто к нему, но проплывает дальше,
мимо него)*

Всю ночь, ночь туманную
Звала тебя, желанного,
Роняла слезы светлые
В ковши свои заветные.
Все до краев наполнила,
Как прошлое припомнила...

*(Всплеснув руками, раскрывает объятия, снова бро-
сается к нему и снова проплывает мимо.)*

На дно червонец кинуть, —
Так через край и хлынут!
(Звонко смеется.)

Тот, кто плотины рвет
(ядовито)

Знать, золото в почете
И здесь, в глухом болоте!

Русалка приближается к нему, но он круто поворачивается от нее, будоража воду.

Тебе уж лучше снова
Торчать над рыболовом,
Следить в тиши подводной,
Чтоб рак да сом голодный
Вдруг не отгрызли чуба, —
И дорого и любо!

Русалка

*(подплывает совсем близко, берет его за руки,
заглядывает в глаза)*

Уже придрался?

(Лукаво.)

Я что-то знаю тоже,
Мой душегуб пригожий!
(Тихо смеется, он смущается.)

Где сам-то шлялся?

Дочь мельнику встретил, —
Забыл про все на свете.
Зимою — долги ночи,
У той же — кари очи.
Немало панычей
Дарят червонцы ей.

(Грозит ему пальцем и заливается смехом.)

Вижу прекрасно —

Каков ты сокол ясный!
Но я простить согласна,
Ведь я ж тебя люблю!

(С шутливым пафосом.)

Весь долгий-долгий миг тебе я буду верной,
Минуту буду я покорной и примерной,
Измену ж утоплю!

Вода круги смыкает,
Следов не оставляет,
Как и любовь твоя,
Как и печаль моя!

Тот, кто плотны рвет
(порывисто протягивает ей руки)

Ну, мир-миром!

Плывем же по-над виром!

Русалка

(берет его за руки и быстро кружится с ним)

Ой, в виру-вирочке,
На желтом песочке,
В жемчужном веночке
Танцую с дружочком!
Ух! Ух!

Ухают, брызжуются, плещутся. Вода бьет в берега так сильно, что шумит осока и птицы стаями взлетают из камышей. Водяной вынырнул по-

среди озера. Это древний, седой старик. Длинные волосы и длинная белая борода его вместе с водорослями свисают до пояса. Одежда на нем — цвета ила, на голове — корона из раковин. Голос глухой, но сильный.

В о д я н о й

Кто наши воды тихие волнует?

Русалка и Тот, кто плотины рвет останавливаются и бросаются в разные стороны.

Опомнись, дочка! Водяной царевне
И стыд и срам кружиться с чужаками!

Р у с а л к а

Отец, он не чужой. Ты не узнал?
Он Тот, кто рвет плотины.

В о д я н о й

Знаю, знаю.

Он — не родной, хоть водяного роду.
Изменчивый, лукавый, своенравный,
Весной шумит, и рвет, и баламутит,
Срывает с озера венок роскошный,
Что целый год плетут мои русалки,
Пугает птицу мудрую лесную,
Вдовице-вербе корни подмывает,
Сиротам горьким — бедным потерчатам —
Водою огонечки заливает,
Он ровные мне портит берега
И старческий покой мой нарушает.
А где он летом? Где он колобродит,
Когда без меры солнце воду пьет
Из кубка моего — с утра до ночи,
Когда от жажды никнут тростники,
На берегу без влаги оставаясь,
Когда головки лилии мои
К воде нагретой клонят, умирая?
Где он тогда?

Во время этого разговора Тот, кто плотины рвет тайком кивает Русалке, соблазняя ее убежать с ним по лесному ручью.

Тот, кто плотины рвет
(со скрытой насмешкой)

Тогда я в море, дед.
Меня зовет на помощь океан,
Чтоб и его не осушилась чаша.

Раз царь морской зовет — я подчиняюсь,
На то и служба. Сам про это знаешь.

Водяной

Ага! Тогда ты в море... Ну, а мне,
Когда б не помогал мой друг давнишний,
Приятель верный мой — осенний дождик,
Пришлось бы согнуться вместе с паром!

Тот, кто плотины рвет незаметно прячется в воду.

Русалка

Нет же!

Не может согнуться пар — ведь из него
Вода родится вновь.

Водяной

Ишь умная какая!
Иди на дно! Довольно болтовни!

Русалка

Сейчас пойду. Его ведь здесь уж нету.
Лишь спутанную зелень причешу.
*(Вынимает из-за пояса гребенку, сделанную из раковин,
и причесывает прибрежную зелень.)*

Водяной

Что ж, причеши. Я сам люблю порядок.
Чеши, чеши, а я здесь подожду,
Пока работу кончишь. Да поправь
И листья, чтоб ровнее расстилались,
Да почини ковер зеленый, что порвал
Пройдоха этот...

Русалка

Ладно, все исполню.

Водяной удобно укладывается в камышах, следя оттуда за работой Русалки; глаза его начинают закрываться.

Тот, кто плотины рвет
(вынырнул и тихо Русалке)

Укройся за лозю!

Русалка прячется, оглядываясь на Водяного.

Мы поплывем с тобою
Вдаль по протоке —
Под брызги, под потоки,
Сорвем, снесем плотину,
Дочь мельника — в пучину!

(Хватает Русалку за руку и быстро мчится с нею через озеро.)

Недалеко от другого берега Русалка останавливается и вскрикивает.

Русалка

Ой, зацепилась, видно, за корягу!

Водяной просыпается, бросается наперерез и перехватывает Русалку.

Водяной

Так вот ты как! Ты, баламут проклятый,
Еще узнаешь, как губить русалок!
Пожалуюсь я матери твоей —
Метели Горной, — не пеняй тогда.

Тот, кто плотины рвет
(с хохотом)

Покуда суд — успею нагуляться!
Прощай, Русалка, наполняй ковши!
(Бросается в лесной ручей и там исчезает.)

Водяной
(Русалке)

На дно спускайся! И не смей оттуда
Три лунных ночи наверх выплывать!

Русалка
(сопротивляясь)

С каких же пор, скажи, русалки стали
Невольницами в озере? Вольна я,
Вольна я, как вода!

Водяной

В моих владеньях
Знать берега обязана вода.
Иди на дно!

Русалка

Нет, не хочу!

Водяной

Не хочешь?

Отдай тогда венок жемчужный!

Русалка

Нет!

Мне подарил его морской царевич.

Водяной

Тебе венок носить не доведется, —

За ослушанье заберет тебя

Тот, кто в скале сидит.

Русалка

(с ужасом)

Нет, мой родимый,

Я буду слушаться!

Водяной

Тогда — на дно!

Русалка

(опускаясь в воду)

Иду, иду... А можно ль забавляться

Мне рыбаком?

Водяной

Ну, что же, забавляйся.

Русалка опустилась в воду по плечи и, горько улыбаясь, смотрит на отца.

Чудная ты! Я о тебе ж забочусь.

Да он тебя навеки погубил бы:

Увлёк бы по камням да по корягам

Ручья лесного, тело молодое

Измял бы, изувечил, да и бросил

Там на безводье.

Русалка

Но ведь он красивый!

Водяной

Ты вновь свое?!

Русалка

Нет, нет, я ухожу.
(*Нырляет.*)

Водяной
(*глядя вверх*)

Весна уже, и солнце припекает...
Ух, душно как! Не время ль охладиться?
(*Нырляет и сам.*)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

То же самое место, только весна вступила уже в свои права. Опушка леса как бы окутана нежным зеленым покрывалом. Кое-где и верхушки деревьев покрылись зеленой листвой. Озеро стоит полное, в зеленых берегах, как в венке, сплетенном из руты. Из лесу на поляну выходит дядя Лев и его племянник Лукаш. Лев уже старый человек, почтенный и на вид очень добрый. Его по-полесски длинные волосы белыми волнами спускаются на плечи из-под серой войлочной шапки-рогатки. На нем полотняная светло-серая одежда, свитка почти белая. На ногах — постолы. В руках — рыболовная сеть; у пояса на ремешке — нож. за плечами на широком ремне — плетенный из лыка кошель (торба).

Лукаш — очень молодой хлопец, красивый, чернобровый, стройный; в глазах его еще что-то детское. Одет тоже в полотняную одежду, только из более тонкого полотна. Вышитая рубашка с отложным воротником у него навыпуск. Подпоясан он красным кушаком. Воротник и рукава застегнуты на красные пуговицы, свитки на нем нет. На голове широкополая соломенная шляпа. На поясе — ножик и ковшик из липовой коры.

Дойдя до берега озера, Лукаш останавливается.

Лев

Что ж ты остановился? В этом месте
Не жди улова: мелко здесь и топко.

Лукаш

Да вырезать свирель мне захотелось,—
Уж очень хороши здесь тростники.

Лев

Да у тебя ж и так свирелей много.

Лукаш

Ну, сколько ж их? Из вербы, из калины,
Из липы — вот и все они. А нужно
И тростниковую еще мне сделать,—
Та лучше всех!

Л е в

Ну что же, забавляйся,
На то бог праздник дал. А завтра будем
Лачужку строить здесь. Уже пора
Сюда на выпас и скотину выгнать, —
Смотри, трава все больше зеленеет.

Л у к а ш

Да как же здесь мы можем поселиться?
Нечистое здесь место, говорят...

Л е в

Как для кого. А я, племянник, знаю,
Как с кем и с чем мне надо обходиться:
Где кол забить осиновый, где плюнуть,
А где перекреститься. Вот и всё.
Посеем у лачужки мак-видюк,
Перед порогом мы тирлич посадим, —
И не возьмет нас никакая сила...
Ну, я пойду, а ты себе как хочешь.

Расходятся. Лукаш направляется к озеру и скрывается в тростниках.
Лев идет по берегу и тоже скоро исчезает за вербами.

Р у с а л к а

(выплывает на берег и кричит)

Дедуся! Леший! Горе нам! Спасайте!

Л е ш и й

*(небольшой бородатый старичок с серьезным лицом,
быстрый в движениях; на нем одежда цвета коры, на
голове лохматая кунья шапка)*

Чего тебе? Чего кричишь?

Р у с а л к а

Там хлопец
Тростник для дудки режет!

Л е ш и й

Э-ва!

И вся беда? Какая ж ты скупая!
Они лачужку здесь хотят поставить,
И я — не против. Пусть лишь не берут
Сырого дерева.

Русалка

Лачужку ставят?!
Здесь будут люди?! Ох, уж эти люди
Под крышей из соломы! Не терплю их!
Соломенный мне ненавистен дух.
И я топлю их, чтоб водою свежей
Смыть этот дух. И всех защекочу —
Пусть лишь придут!

Леший

Постой-ка, не спеши!
Сам дядя Лев в лачужке жить намерен,
А он — наш друг. И только в шутку нас
Осиною да тирличом пугает.
Люблю его. И если бы не он,
Давно б столетнего не стало дуба,
Того, что видел столько наших сборищ,
Того, что знает столько тайн лесных.
Его уж немцы мерили. Стояли
Втроем, друг друга за руки схвативши,
И руки их на нем едва сошлись.
За дуб сулили золота немало,
Но дядя Лев своей поклялся жизнью,
Что дуб рубить вовеки не позволит.
Тогда и я поклялся бороною,
Что дядю Льва и всю его родню
В моем лесу никто вовек не тронет.

Русалка

А мой отец их все равно утопит!

Леший

Пускай-ка тронет, — мигом завалю
Все озеро листвою прошлогодней!

Русалка

Ой, горюшко, как страшно! Ха-ха-ха!
(Исчезает в озере.)

Леший, ворча, закуривает трубку, усевшись на упавшем дереве. Из тростников слышится голос свирели — мягкий и переливчатый. И когда он делается слышнее, лес оживает: сначала на вербе и на ольхе появляются сережки, потом на березе распускаются листья. На озере раскрылись белые лилии и зазолотились цветы кувшинок. На шиповнике появились

нежные бутоны. Из дупла старой, расщепленной, полусохшей вербы выходит Мавка в ярко-зеленой одежде. Черные с зеленым отливом косы распущены. Она разминается и проводит ладонью по глазам.

М а в к а

Ой, как спала я долго!

Л е ш и й

Долго, дочка!

Уж сон-трава повсюду отцветает,
Вот-вот кукушка маслице сколотит
И, в красные сапожки нарядившись,
Начнет считать — кому и сколько жить.
Из дальних стран уже явились гости:
Вон желтыми пушинками плывут
На чистом плесе дикие утята.

М а в к а

Кто разбудил меня?

Л е ш и й

Да кто ж, — весна.

М а в к а

Весна не пела так еще ни разу,
Как в этот день. Иль это мне приснилось?

Лукаш вновь играет.

Нет... стой... Вот! слышишь?.. То весна поет?

Лукаш играет, только еще ближе.

Л е ш и й

Нет, то играет хлопец на свирели.

М а в к а

Какой? Ужели Тот, кто рвет плотины?
Такого от него я не слыхала.

Л е ш и й

Нет, человек. Племянник дяди Льва,
По имени Лукаш.

М а в к а

Не знаю что-то.

Л е ш и й

Он здесь впервые. Прибыл издалёка.
Пришел он к нам из тех боров сосновых,
Где наша бабка любит зимовать.
Осиротел он с матерью-вдовою,
И дядя Лев к себе их взял обоих...

М а в к а

Хотела бы взглянуть я на него.

Л е ш и й

А для чего?

М а в к а

Наверно, он красивый!

Л е ш и й

Встречаться с хлопцами людской породы
Лесным дивчатам — ох, не безопасно...

М а в к а

Каким же, дедушка, ты стал суровым!
Ужель меня держать ты будешь так же,
Как Водяной Русалку?

Л е ш и й

Нет, родная!

Я не держу тебя. То Водяной
Привык в трясине топкой все живое
Засасывать безжалостно. А я —
Люблю я волю. Забавляйся с ветром,
И с Перелесником играй, как знаешь,
Всю силу леса, и воды, и гор,
И воздуха приворожи к себе,
Но не ступай ты на людские тропы:
По ним не воля ходит, а тоска
Свой груз проносит. Обходи их, дочка:
Раз только ступишь — и пропала воля!

М а в к а
(смеется)

Ну, как же так, чтоб воля — и пропала?
Ведь так и ветер может вдруг пропасть!

Леший хочет что-то ответить, но выходит Л у к а ш со свирелью. Леший и Мавка прячутся. Лукаш хочет надрезать ножом березу, чтобы нацедить соку. Мавка бросается к нему и хватает его за руку.

М а в к а

Не тронь! Не тронь! Не режь! Не убивай!

Л у к а ш

Да что ты, девушка? Я не разбойник.
Я лишь хотел березового соку
Попробовать.

М а в к а

Но это кровь ее!
Не пей же кровь моей родной сестрицы!

Л у к а ш

Березу ты сестрицей называешь?
Кто ж ты сама?

М а в к а

А я лесная Мавка.

Л у к а ш

*(не столько удивленно, сколько внимательно смотрит
на нее)*

А, вот ты кто! От пожилых людей
Про мавок я слышал, но сам ни разу
Не видел их.

М а в к а

А видеть бы хотел?

Л у к а ш

Хотел бы, да... Что ж, ты совсем такая,
Как девушка... Нет, лучше, — словно панна:
И руки бѣлы, и стройна ты станом,
И как-то не по-нашему одета...

Вот только — не зеленые глаза.
(Присматривается.)
Да нет, теперь — зеленые... А были,
Как небо, синие... Вот потемнели,
Как эта тучка... черными вдруг стали...
Нет, карими... Диковинная ты!

М а в к а
(улыбаясь)

А правлюсь я тебе?

Л у к а ш
(застенчиво)

Я разве знаю?

М а в к а
(смеясь)

Кому же знать?

Л у к а ш
(окончательно смущенный)

Ой, спрашивать такое!

М а в к а
(очень удивленно)

А почему про это не спросить?
Вон, слышишь, роза дикая спросила:
«Ведь я красива?»
И стройный ясень тихо ей ответил:
«Всех краше в свете!»

Л у к а ш

Не знал я, что деревья говорят;
Я думал, дерево — всегда немое.

М а в к а

У нас в лесу нет ничего немого.

Л у к а ш

А ты всю жизнь так и сидишь в лесу?

М а в к а

Я из него не выходила сроду.

Л у к а ш

А ты давно живешь на свете?

М а в к а

Право,

Я никогда не думала об этом...

(Задумывается.)

Сдается мне, что я жила всегда...

Л у к а ш

И все была такой же, как теперь?

М а в к а

Видать, такой...

Л у к а ш

А кто ж твоя родня?

Иль, может, нет ее и вовсе?

М а в к а

Есть!

Есть Леший — тот, кого зову я дедом,

А он меня то дочкою, то деткой.

Л у к а ш

Так кто ж он — дед или отец?

М а в к а

Не знаю.

Не все ли мне равно?

Л у к а ш

(смеется)

Ну, и чудные ж

Вы здесь, в лесу!.. А кто же мать, скажи,

Иль бабушка, иль как вы их зовете?

М а в к а

Мне кажется, что мать моя родная —

Вон эта старая, сухая верба.

Она меня зимою приютила
И устелила мягким белым пухом
Постель мою.

Л у к а ш

Ты там и зимовала?
А что ж, скажи, ты делала зимою?

М а в к а

Спала — и все. Зимою что же делать?
Спит озеро, спит лес, и спит тростник...
«Усни», — скрипела верба в тишине,
И сны слетались белые ко мне,
Сияли самоцветы по дубравам,
Стелились чудные цветы и травы —
Такие белые... А над землею
Кружились звезды тихим белым роем
И падали... Кругом — бело и чисто.
И, словно драгоценные мониста,
Все искрилось, блестело и сверкало...
А я спала. Так вольно грудь дышала...
И розовые думы прилетали,
На белых снах узоры вышивали
И ткали грезы — светлые, простые,
Спокойные, лазурно-золотые...

Л у к а ш
(*заслушавшись*)

Как говоришь ты!

М а в к а

Нравится тебе?

Лукаш утвердительно кивает головой.

Твоя свирель получше говорит.
Сыграй! А я немножко покачаюсь.

Мавка сплетает длинные ветки березы, садится на них и качается тихо, как в колыбели. Лукаш играет, прислонившись к дубу, и не сводит с Мавки глаз. Лукаш играет веснянки. Мавка слушает, а затем невольно начинает тихо подпевать.

Сладко он играет.
Глубоко́ вздыхает.
Белу грудь мне разрывает,
Сердце вынимает.

На веснянку где-то откликнется кукушка, потом соловей. Ярче зацвел шиповник, забелел цвет калины, стыдливо зарозовел боярышник, даже на черном безлистом терновнике появились нежные цветы. Мавка, зачарованная, тихо качается, улыбается, а в глазах у нее какая-то тоска до слез. Лукаш, заметив это, перестает играть.

Лукаш

Ты плачешь, девушка?

Мавка

Я разве плачу?

(Проводит рукою по глазам.)

И правда!.. Нет, то опустились росы.
Заходит солнце... Вон уж над водой
Встает туман...

Лукаш

Да нет, еще не поздно!

Мавка

Ты б не хотел, чтоб день уже кончался?
Лукаш кивает головой, что не хотел бы.
А почему?

Лукаш

В село нам с дядей нужно...

Мавка

А ты со мной остаться хочешь?

Лукаш утвердительно кивает головой.

Видишь,

Ты отвечаешь мне, как ясень розе.

Лукаш

(смеясь)

По-вашему я должен научиться,—
Все лето с вами жить придется...

Мавка

(радостно)

Правда?

Лукаш

Да, завтра здесь и строиться начнем.

Мавка

Шалаш хотите?..

Лукаш

Может быть, лачужку.

А может быть, и хату.

Мавка

Вы, как птицы:

Хлопчете и строите гнездо,

Чтобы потом оставить.

Лукаш

Нет, мы строим

Навеки.

Мавка

Как навеки? Ты ж сказал,

Что только лето проживешь здесь с нами.

Лукаш

(смущенно)

Да... я не знаю... Дядя Лев сказал,

Что даст он мне и землю здесь и хату

И осенью меня, наверно, женит.

Мавка

(тревожно)

На ком?

Лукаш

Не знаю. Дядя не сказал,

А может быть, невесты не наметил.

Мавка

Ужели ж сам ты не найдешь невесты?

Лукаш

(глядя на нее)

Нашел бы, может, только...

Мавка

Что?

Лукаш

Да так...

(Тихо наигрывает на свирели что-то очень грустное. Потом опускает руку со свирелью и задумывается.)

Мавка
(помолчав)

Скажи мне, люди сходятся надолго?

Лукаш

На целый век.

Мавка

Вот так у голубей...

Я иногда гляжу на них: так нежно
Они воркуют... Я же ничего
Не знаю нежного, — одну березу,
Которую сестрицей называю,
Но только очень уж она грустна,
Бледна, понура, все скорбит о чем-то, —
Я часто плачу, глядя на нее.
Ольхи вот не люблю — она шершава;
Осина ж чем-то все меня пугает,
Да и сама боится — все дрожит.
Дуб слишком важен. А лесная роза
Задириста, как и терновый куст.
А клен и ясень слишком горделивы.
Своей красой упоена калина
И ничего кругом не замечает.
Сдается, что и я была такою,
А вот теперь мне почему-то грустно...
И если хорошенько пораздумать, —
Совсем я одинока здесь...

(Печально задумывается.)

Лукаш

А верба?

Ведь матью ее ты называла.

Мавка

Да верба что?.. В ней хорошо зимою,
А летом... глянь, она почти засохла
И все скрипит, напоминая зиму...
Нет, я совсем, совсем я одинока...

Лукаш

Но не одни ж в лесу живут деревья, —
Здесь, кроме них, полно различной твари.

(Немного колко.)

Да что скрывать? Мы много раз слышали
Про ваши пляски, игры да затеи.

Мавка

Но это все, как тот внезапный вихрь, —
Он налетит, покружится и сгинет.

У нас не так, как у людей: «Навеки».

Лукаш

(подходя ближе)

А ты хотела бы?..

Вдруг слышится ауканье дяди Льва.

Голос

Ау, Лукаш, ау!

Го-го-го-го! Где ты?

Лукаш

(откликается)

Сейчас иду!

Голос

Иди скорей!

Лукаш

Ишь ты, нетерпеливый!

(Откликается.)

Иду, иду!

(Хочет уйти.)

Мавка

Придешь опять?

Лукаш

Не знаю.

(Уходит в прибрежные заросли.)

Из чащи леса стремительно выбегает Перелесник — красивый, молодой, в красной одежде, с рыжими, буйно развевающимися волосами, с черными бровями и сверкающими глазами.
Он хочет обнять Мавку, но та уклоняется.

М а в к а

Не тронь меня!

П е р е л е с н и к

А почему?

М а в к а

Ступай

Взгляни, как в поле зеленеют всходы.

П е р е л е с н и к

К чему мне эти всходы?

М а в к а

Да ведь там же

Твоя Русалка полевая в жите.

Она давно уже плетет, наверно,

Ярко-зеленый для тебя венок.

П е р е л е с н и к

Ее забыл я.

М а в к а

И меня забудь.

П е р е л е с н и к

Не смейся надо мной! Летим вперед!

Я понесу тебя к горам зеленым, —

Ведь ты же видеть пихты так хотела!

М а в к а

Теперь уж не хочу.

П е р е л е с н и к

Но почему?

М а в к а

Так, расхотелось.

П е р е л е с н и к

Вот еще причуды!

С чего бы это?

М а в к а

Просто нет охоты.

Перелесник

(льстиво вьется около нее)

Полетим мы в горы! Там мои сестрицы —
Горные русалки — вольные, как птицы,
Будут в хороводе танцевать, резвиться,
Словно те зарницы.

Папоротник сыщем для тебя огнистый,
С небосклона снимем звездные мониста,
Покрывало снегом выбелим мы чистым —
Горным, серебристым.

Чтоб тебе лесную раздобыть корону,
Мы Змею-царицу властно свергнем с трона,
Сделаем мы горы нашей обороной.

Будь моим желанным
Счастьем долгожданным!
Я нарядов груды
Для тебя добуду,
Подарю веночек
Краше дня и ночи,
Унесу, коль хочешь,

К тем морям багряным, где скрывает солнце
Золото литое, где ложится день.

После мы заглянем к звездочке в оконце,
И она, что пряха, даст нам волоконце, —
Из него мы выткем голубую тень.

А потом, с рассветом, когда тучки рядом
Станут в ясном небе, как овечье стадо,
Что в реке широкой воду пьет привольно,
Мы заснем с тобою на цветах...

М а в к а

(нетерпеливо)

Довольно!

Перелесник

Как ты обрываешь речь мою сердито!
(Грустно и вместе с тем лукаво.)
Разве уж и лето прошлое забыто?

М а в к а
(*безразлично*)

То, что было летом, так давно минуло!
Что в ту пору пело, все зимой заснуло.
Все я позабыла.

П е р е л е с н и к
(*таинственно и как бы напоминая*)

А в лесу что было?..

М а в к а

Что ж там? Я искала ягод да грибов.

П е р е л е с н и к

А быть может, кстати и моих следов?!

М а в к а

Там еще рвала я и пахучий хмель.

П е р е л е с н и к

Чтобы постелить мне пышную постель?

М а в к а

Нет, затем, чтоб хмелем волосы убрать.

П е р е л е с н и к

Думала, что милый будет обнимать?

М а в к а

Нет, меня береза нежно приласкала.

П е р е л е с н и к

Все же ты о ком-то... кажется, вздыхала?..

М а в к а

Ха-ха-ха! Забыла,
Если что и было!
Я пойду цветами разукрашу косы...
(*Идет к лесу.*)

П е р е л е с н и к

Как бы на те косы да не пали росы!

М а в к а

Солнышко проглянет —
И росы не станет,
И конец беде!
(Исчезает в лесу.)

П е р е л е с н и к

Где ты скрылась, зорька?
Тяжко мне и горько!
Где ты? Где ты? Где?
(Также убегает в лес.)

Между деревьями несколько мгновений видна его красная одежда и слышатся перекаты эха: «Где ты? Где...» По лесу переливается красный закат солнца, потом он гаснет. Над озером встает белый туман.
Дядя Л е в и Л у к а ш выходят на поляну.

Л е в

(сердито ворчит)

Проклятый Водяной! Чтоб ты засох!
Я, после ловли, только-только выплыл
На чистый плес на лодке, чтоб оттуда
На тот пробраться берег поскорей,
А он вцепился подлой лапой в днище —
И никуда! Чуть-чуть не утопил!
Да я не глуп, — за бороду схватил
И намотал ее, как ту мочалку,
Да ножик из-за пояса — и враз
Отрезал бы ее! Но он, проклятый,
Толкнул меня, и лодка кувыркнулась.
Едва-едва я выбрался на берег,
Всю рыбу растерял. Чтоб он закис!
(Лукашу.)

Да и тебя тут что-то зацепило, —
Аукаю, зову — хоть погибай!
Где пропал?

Л у к а ш

Я был все время здесь,
Вырезывал свирель.

Л е в

Долгонько что-то очень
Свирели ты, племянник, вырезасшь!

Лукаш
(смущенно)

Да право ж, дядя...

Лев
(улыбнулся и смягчился)

Не учишь-ка врать!
Ты молод, и язык тебя подводит.
Вот лучше хворосту в лесу собрал бы,
Костер зажег бы. Надо обсушиться,—
Нельзя же мне таким идти домой.
Пока дойдем, еще и *та* прилипнет —
Не к месту будь помянута! — и станет
Из тела душу вытрясать мою...

Лукаш идет в лес; немного погода слышно, как хрустят сухие ветки.

Лев
(сидится под дубом на толстый корень и пробует
высечь огонь, чтобы зажечь трубку)

Ну как же! Высечешь! Весь трут намок...
Чтоб ты, злодей, погиб от лихорадки!
Придется поискать — быть может, вырос
На дубе новый...
(Шарит по дубу, разыскивая трут.)

Из озера, из тумана подымается белая женская фигура, похожая больше на привидение, чем на человека. Она простирает белые длинные руки и, загребая, перебирает тонкими пальцами, надвигаясь на дядю Льва.

Лев
(в страхе)

Что за наважденье?
А! Знаю, знаю! Счастье, что заметил!
(Опомнившись, вынимает из кошелька какие-то корни и травы и протягивает их навстречу привидению, как бы защищаясь от него. Привидение немного отступает. Он начинает заговор, произнося слова все быстрее.)

Девушка-шипучка,
Лихорадка-трясучка!
Ступай от меня ты в глухие болота,
Где люди не ходят, где куры не поют,
Куда не доходит мой голос.
Здесь тебе не пройти,
Белого тела не трясти,

Желтой кости не ломать,
Черной крови не сосать,
Жизни не отнимать.
Вот тебе полынь —
Сгинь, привиденье, сгинь!

Привидение отступает назад к озеру и сливается с туманом. Подходит Лукаш с охапкой хвороста, кладет его перед дядей, вынимает из-за пазухи кресало и трут и разжигает огонь.

Лукаш

Садитесь, дядя, грейтесь.

Лев

Вот спасибо,

Что угождаешь дяде-старичку.

(У костра разжигает трубку.)

Теперь чего ж еще!

(Укладывается против костра на траве, положив кошель под голову. Курит трубку и жмурится на огонь.)

Лукаш

Вот если б, дядя,

Вы сказку рассказали мне.

Лев

Гляди,

Ребенком стал!.. А ты б хотел какую?

Про Оха-чудотворца? Про Тремсына?

Лукаш

Те я слышал. Вы знаете другие,

Каких никто не знает.

Лев

(подумавши)

Ну, так слушай:

Я про Волну-царевну расскажу.

(Начинает спокойным, певучим, размеренным голосом.)

Когда б нам хата теплая

Да люди добрые,

Баяли б мы байки,

Сказывали б сказки
До самого рассвета...
За темными лесами,
Да за глубокими морями,
Да за высокими горами
Находится чудный-пречудный край.
Где царствует Урай.
В краю том солнце не садится
И месяц серебрится.
А ясные звезды по полю ходят,
Хороводы водят...
И вот у самой красивой звезды появился сын —
Белый Полянин.
Лицом белый,
Пригожий, смелый.
Золотые волосы по ветру играют,
Серебряная сабля в руках сверкает...

Л у к а ш

Вы ж про царевну мне...

Л е в

Да обожди!..
Как начал Белый Полянин расти да подрастать,
Стал он себе думать да гадать,
О своей жизни рассуждать.
«Я, — сказал он, — краше всех на свете,
А судьбы своей еще не встретил.
Дай мне совет, родная мать,
Где пару мне свою искать:
То ль среди боярства важного,
Средь рыцарства отважного,
То ль, может, среди князей,
А может быть, среди простых людей?
А когда б царевну мне, —
Я б доволен был вдвойне...»
(Начинает дремать.)
Вот и пошел он к синему морю.
Разложил на берегу жемчужные бусы...

Лукаш

Видать, вы, дядя, что-то пропустили.

Лев

Неужто?.. Ты мне не мешай!
...Вот разбежалась на море волна большая,
И вылетели кони из волны,
Как жар, красны
И в красную коляску впряжены...
А в той коляске...
(Замолкает, одолеваемый сном.)

Лукаш

Да кто же в той коляске был? Царевна?

Лев

(сквозь сон)

А?.. Где?.. Какая там царевна?..

Лукаш

Спит!

Некоторое время Лукаш задумчиво смотрит на огонь, потом встает, отходит от костра подальше, прохаживается по поляне и тихо, еле слышно, наигрывает на свирели. В лесу темнеет, но тьма не густая, а прозрачная, как бывает перед восходом месяца. Возле костра блики света и тени как бы пляшут какой-то призрачный танец; цветы, которые растут близко от костра, то сверкают своими красками, то исчезают в темноте. На опушке леса таинственно белеют стволы берез и осин. Вешний ветер нетерпеливо вздыхает, проносясь по опушке, и качает ветви плакучей березы. Туман на озере ширится и белыми волнами придвигается к темной чаще. Во мгле тростник перешептывается с осокою. Из лесу выбегает Мавка. Бежит она быстро, словно от погони, волосы развеваются, одежда растрепалась. На поляне Мавка останавливается, оглядывается, прижимает руки к сердцу, потом бросается к березе и снова останавливается.

Мавка

Ой, спасибо, ноченька, ночка — птица-птиченька,
Что крылом закрыла мое бело личико!
И вам, стежечки, вам, дороженьки,
Что меня довели до березоньки!
Ой, укрой меня, спрячь, сестриченька!
(Прячется под березу, обнимая ее ствол.)

Л у к а ш
(*подходит к березе, шепотом*)
Ты, Мавка?

М а в к а
(*еще тише*)
Я.

Л у к а ш
Бежала?

М а в к а
Словно белка.

Л у к а ш
Ты убежала?

М а в к а
Да.

Л у к а ш
Но от кого?

М а в к а
Да от того,
Кто как огонь.

Л у к а ш
А где ж он?

М а в к а
Тсс!.. Не то он прилетит.

Молчание.

Л у к а ш
Ты так дрожишь! Я слышу, как береза
От этой дрожи шелестит листвою.

М а в к а
(*отрывается от березы*)
Ой, горе! Я боюсь прислониться,
А так шатаюсь.

Лукаш

Прислонись ко мне,—
Я удержать и защитить сумею.

Мавка прижимается к нему. Они стоят. Свет месяца начинает переливаться по лесу, стелется по поляне и проникает под березу. В лесу слышатся напевы соловья и все голоса весенней ночи. Ветер порывисто вздыхает. Из озаренного тумана выходит Русалка и тайком смотрит на молодую пару.

Лукаш, прижимая Мавку, все ближе наклоняется к ней лицом и неожиданно целует.

Мавка

(вскрикивает от счастья)

Ой, в грудь звезда упала!

Русалка

Ха-ха-ха!

(Со смехом и всплеском бросается в озеро.)

Лукаш

(испугавшись)

Что это там?

Мавка

Не бойся, то Русалка.

Я с ней дружна, и нас она не тронет.

Ей нравится порою насмеяться,

Но то — пустяк... Все для меня пустое

Теперь на свете...

Лукаш

Ну, а я?

Мавка

О нет!

Ты — сам мой свет. И этот свет прекрасней,

Чем тот, что знала я. Но даже тот

Мне краше стал, как мы соединились.

Лукаш

А мы соединились?

Мавка

Ты не слышишь,—

В честь нашей свадьбы соловьи поют.

Л у к а ш

Я слышу... вот... они уже не свищут,
Не щелкают, как раньше, а поют:
«Целуй! целуй! целуй!»
(Целует ее долгим, нежным, трепетным поцелуем.)
И зацелую

Тебя я насмерть.

Поднимается ветер, и белый цвет метелицей вьется по поляне.

М а в к а

Нет, я не умру...
А жаль... хотелось бы...

Л у к а ш

Ну, что ты говоришь?
Зачем я так сказал?!

М а в к а

Нет, это сладко —
Сгореть звездой падучей...

Л у к а ш

Погоди!
(Говорит, лаская.)
Про это не хочу! Не говори!..
Нет, говори мне, говори еще!
Чудная речь твоя, но почему-то
Так сладко слушать... Что же ты молчишь?
Обиделась?

М а в к а

Я слушаю тебя,
Твою любовь...
*(Берет в руки его голову, поворачивает ее лицом
к месяцу и пристально смотрит ему в глаза.)*

Л у к а ш

Не надо так! Мне страшно,
Когда ты смотришь прямо в мою душу...
Я не могу так! Говори, шути,
Распращивай, скажи, что любишь, смейся...

М а в к а

Твой голос чист, как ручеек лесной,
Но очи — непроглядны.

Л у к а ш

Может, месяц
Неясно светит.

М а в к а

Может быть...

(Склоняется к его груди и замирает.)

Л у к а ш

Устала?

М а в к а

Молчи!.. Я сердце слушаю... Оно
Неясно говорит — как ночь весной.

Л у к а ш

Зачем же слушаешь тогда? Не нужно!

М а в к а

Не нужно слушать? Верно, что не нужно.
Не нужно, милый! Я не буду больше
Прислушиваться, счастье ты мое!
Свою любовь ласкать я жарко стану!
Ты знаешь ласки?

Л у к а ш

Я ведь не любился
Ни с кем ни разу и совсем не знал,
Что так сладка любовь бывает!

Мавка страстно ласкает его. Он вскрикивает от сладкой муки.

Мавка!

Ты мне всю душу вынешь!

М а в к а

Выну, выну!
Певучую себе возьму я душу,
А сердце я словами зачарую..

Губы твои зацелую родные,
Чтобы краснели,
Чтобы горели,
Словно весенние розы лесные!
Заворожу я глаза голубые,
Чтобы играли,
Чтобы сияли,
Чтоб рассыпали огни золотые!

(Внезапно всплескивает руками.)
Да чем же я завлечь тебя хотела?!
Я до сих пор не убрана цветами!

Л у к а ш

Ты и без них прекрасна.

М а в к а

Нет, хочу я
Себя украсить пышно и нарядно —
Под стать лесной царевне!
*(Удаляясь от озера, бежит на другой край поляны
к цветущим кустам.)*

Л у к а ш

Подожди!
Я сам тебя украшу.
(Идет к ней.)

М а в к а
(грустно)

Не нарядны
Цветы ночные... ночью спят их краски...

Л у к а ш

Тут светляки, я их насобираю,
Они в твоих светиться будут косах,
Как будто звездный дорогой венок.
(Бросает несколько светляков ей на волосы.)
Дай посмотреть... Ой, как же хороша ты!
(Полный счастья, обнимает ее.)
Я соберу еще. Украшу, наряжу
Тебя, что королеву, в самоцветы!
(В траве под кустами ищет светляков.)

М а в к а

А я цветов с калины наломаю,—
Она не спит: ей соловей мешает.
(Ломает ветки с белыми цветами и украшает одежду.)

Р у с а л к а
(снова появляется из тумана. Шепчет, повернувшись
к тростникам)

Потерчата, выходите,
Огонечки засветите!

В тростниках замерцали два блуждающих огонька. Потом вышли потерчата, в руках они держат плошки, которые то ярко вспыхивают, то совсем гаснут. Русалка прижимает их к себе и шепчет, указывая на белеющую вдали фигуру Лукаша, которая едва заметна во мраке меж кустов.

Взгляните на него, что там блуждает,—
Такой же он, как ваш отец родной,
Что бросил вас и вашу мать обидел.
Он жить не должен!

Первый потерчонок
Утопи его!

Р у с а л к а
Я не могу. Мне Леший запретил.

Второй потерчонок
А нам не сладить,— мы еще малы.

Р у с а л к а
Вы без стежки,
Без дорожки
Пронесите ваши плошки.
В тот кустарник — тише кошки —
Проберитесь в этот час,—
Не услышит Леший вас.
Если ж встретит,
Не заметит:
Свет погас!
Притворитесь светляками
Под кустами,
Над трясиной промелькните,

Закружите, заманите,—
Где он станет,
Там и канет
И не выйдет из болота.
А уж там моя забота...
Ну, раз-раз!

Потерчата
(приближаясь один к другому)

Ты — направо, я — налево,
Вот у нас и выйдет дело!

Русалка
(радостно)

Помчались!
(Подбегает к болоту, брызжет воду пальцами себе на спину через плечи.)

Из-за кочки выскакивает Куц — молодой чертик-паньч.

Куц мой, ну-ка,
Поцелуй мне руку!
(Протягивает ему руку, он целует.)

Куц

Но за что же это?

Русалка

Завтрак до рассвета
Я тебе сготовлю, только не зевай.
(Показывает вдаль, на Лукаша.)
Видишь? Что, по вкусу?! Твой он будет, знай!

Куц

Раз он не в болоте —
Что с него возьмете?!

Русалка

Будет он на дне!
Всем твоим на радость — бабке и жене!

Куц бросается за кочку и исчезает. Русалка из тростников наблюдает за потерчатами, огоньки которых вспыхивают, мигают, мельтешат то там, то здесь.

Лукаш
(ища светляков, замечает огоньки)

Вот это светляки! летают даже!
Таких я не видал еще! Большие!
Я должен их поймать!
*(Гоняется то за одним, то за другим, и они незаметно
увлекают его к болоту.)*

Мавка
Не надо, милый!
Любимый, не лови! То — потерчата!
Они заманят в топь!

Лукаш, увлеченный погоней, не слышит и отбегает далеко от Мавки.

Лукаш
(внезапно вскрикивает)

Спасите! Гибну!
Попал в болото! Ой, все глубже тянет!..

Мавка прибегает на его крик, но не может дотянуться до него, так как он увяз далеко от твердого берега. Она бросает ему один конец своего пояса, держась за другой.

Мавка
Лови!

Руки Лукаша не могут дотянуться до пояса.

Лукаш
Не дотянусь! Ой, что же будет?

Мавка
*(бросается к вербе, которая стоит, наклонившись над
трясиной)*

Ой, вербонька, родимая, спасай!

Быстро, словно белка, влезает на вербу, повисает над трясинкой на суке и снова бросает пояс. На этот раз Лукаш хватается за конец. Мавка тянет Лукаша к себе, потом подает ему руку и помогает влезть на вербу. Русалка в тростниках издает глухой стон досады и исчезает в тумане. Потерчата тоже исчезают.

Л е в

(проснувшись от криков)

А?! Что такое? Снова наважденье?
Чур-чур меня! Исчезни!

(Оглядывается.)

Эй, Лукаш!

Л у к а ш

(откликается с вербы)

Я, дядя, здесь!

Л е в

А почему ты там?

(Подходит и смотрит на вербу.)

На вербу влез, к тому же — с девкой!

Лукаш слезает с вербы. Мавка остается там.

Л у к а ш

Дядя!

Я здесь едва в болоте не погиб,
Наткнулся на «окпо», да вот она
(показывает на Мавку)

Спасла меня от смерти.

Л е в

А зачем же

Ты на ночь глядя бродишь по болоту,
Как дух какой?

Л у к а ш

Я светляков ловил...

(Обрывает речь.)

Л е в

(замечает светляков на Мавке)

Ба! Так бы сразу мне и говорил!
Теперь я вижу сам, чье это дело.

М а в к а

Я, дяденька, спасла его — и только.

Л е в

Ишь «дяденька»! Племянница нашлась!
А кто ж подстроил для него ловушку?

(Укоризненно качает головой.)

Эх, все вы так! Такая ваша правда!..
Ну, только пусть мне попадется Леший,—
Не вырвется из рук! Дубовым пнем
Я защемлю покрепче бородицу,
Так будет знать!.. Вишь, девок подсылает,
А сам в сторонке,— дескать, я не я!

М а в к а

(быстро слезает с вербы)

Не виноват он! Пусть Змея-царица
Меня накажет, коль неправда это!
И я права!

Л е в

Ну, вот теперь я верю:
Такою клятвой не клянутся зря.

Л у к а ш

Она спасла меня от смерти, дядя!
Ей-богу, я пропал бы без нее.

Л е в

Ну, девонька, хоть нет в тебе души,
Но сердце — доброе. Прости меня,
Что сгоряча обидел..

(Лукашу.)

Да зачем же
За светляками ты полез в болото?
На кочках, что ли, светляки сидят?

Л у к а ш

Но не такие были, что летают!

Л е в

Э-ге! Понятно. Это ж — потерчата!
Ну, обождите ж, приведу я завтра
Щеняток с волчьим зубом, и посмотрим —
Кто заскулит скорей!

Г о л о с к и п о т е р ч а т
(звучат жалобно и похожи на кваканье лягушек)

Нет, нет, дедуся!
Мы непричастны:
Ягоды красной
Здесь мы искали.
Если б мы знали,
Что вы явились,
Мы б не всплывали,
Мы б не светились...
Ой, мама, ой!
Спрячь нас, укрой!

Л е в

Гляди, как скуксилась вдруг эта пара —
Отродье ведьмино! Но погоди,
Я отыщу, кто правый, кто виновный!..
(Лукашу.)

А не пора ль, племянник, нам домой?
Пойдем себе...
(Мавке.)

Будь, девушка, здорова!

М а в к а

Вернетесь завтра? Я вам укажу,
Где есть для хаты дерево получше.

Л е в

Я вижу, ты про все уж расспросила.
Быстра!.. Что ж, приходи, я к вам привык,
Теперь и вам привыкнуть к нам придется.
Ну, мы пошли. Прощай!

Трогаются.

М а в к а

(больше Лукашу, чем дяде Льву)

Я буду ждать!

Лукаш отстает от дяди, молча стискивает обеими руками руки Мавки,
беззвучно ее целует, потом, догнав дядю, идет с ним в лес.

М а в к а
(одна)

Если б ты, ночка, скорей миновала!
Я ведь ни разу еще не встречала
Счастья под солнцем, счастья такого,
Как под твоим повстречала покровом!
Что ж ты, береза, так сиротлива?
Видишь, сестриченька, — я же счастлива!
Вербка, не лей же слез над водою, —
Снова, родная, он будет со мною!
Лес мой, отец мой, скажи-посоветуй,
Как скоротаю я ноченьку эту?
Ночь коротка, но долга разлука...
Что суждено мне — счастье или мука?

Месяц скрывается за темной стеной леса, темнота наплывает на поляну — черная, как бархат. Ничего не стало видно, лишь тлеют угли покинутого костра да по венку из светляков можно заметить, как между деревьями ходит Мавка. Венок этот то светится, как целое созвездие, то сверкает отдельными искрами. Но потом тьма покрывает и его. Глубокая полночная тишина, и лишь порой в лесу слышится легкий шелест, словно вздох во сне.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Позднее лето. На темной матовой листве в лесу кое-где легла осенняя позолота. Озеро обмелело, береговая кайма сделалась шире, тростники сухо шелестят редкими листьями. На поляне уже построена хата, засажены огород. На одной полоске — пшеница, на другой — рожь. По озеру плавают гуси. На березе сушится белье, на кустах висят горшки и крынки. Трава на поляне чисто выкошена. Под дубом сложен стожок сена. По лесу разносится звон колокольчиков — там пасется скотина. Недалеко слышны звуки свирели, которая играет бойкую танцевальную мелодию.

М а т ь Л у к а ш а
(*выходит из хаты и зовет*)

Лукаш, ау! Эй, где ты?

Л у к а ш
(*появляется из лесу со свирелью и палкой, на которой вырезаны узоры*)

Здесь я, мама.

М а т ь

А не довольно ли тебе играть?
Играешь все, а дело-то стоит!

Л у к а ш

Какое ж дело?

М а т ь

Как какое дело?
А кто ж загон хотел загородить?

Л у к а ш

Да ладно же, загорожу, управлюсь.

М а т ь

Когда ж придет оно — твоё «управлюсь»?
Тебе бы только бегать по оврагам,
Бацлуши бить вон с этою приبلудной!

Л у к а ш

Кто ж бегают? Скотину я пасу,
А Мавка помогает.

М а т ь

Отвяжись ты
С такой помощью!

Л у к а ш

Сами ж говорили,
Что больше молока дают коровы,
Коль Мавка их пасет.

М а т ь

Она ж ведьмачка!

Л у к а ш

Не знаю, право, чем вам угодить!
Она ли нам деревья не таскала,
Как хату строили? Кто засадил
Нам огород и кто засеял нивы?
А урожай бывал у пас такой?
А вон какие развела цветы
Под окнами, что просто загляденье!

М а т ь

Нужны ее цветы! У нас никто
Не женится, ни замуж не выходит...
Тебе ж цветы да песни подавай!

Лукаш нетерпеливо пожимает плечами и хочет уйти.

Куда уходишь?

Л у к а ш

Городить загон.

(Идет за хату, откуда вскоре слышатся удары топора.)

М а в к а выходит из лесу, пышно убранная цветами, с распущенными косами.

М а т ь

(неприветливо)

Чего тебе?

М а в к а

Где, тетушка, Лукаш?

М а т ь

Чего ты все за Лукашом? Дивчине
За парубком не следует гоняться.

М а в к а

А мне про то никто не говорил.

М а т ь

Ну так теперь послушай,— пригодится.

(Недружелюбно смотрит на Мавку.)

Да что ты все растрепанная ходишь?

Взяла да причесалась бы получше,

А то совсем как ведьма. Неприлично.

Да что и за одежда на тебе?

Работать в ней — неловко, неудобно...

Там от покойной дочери моей

Кой-что осталось,— ты б переделалась,

А это все в сундук бы положила.

М а в к а

Что ж, хорошо. Могу переодеться.

Идет в хату. Оттуда выходит Лев.

М а т ь

Спасибо хоть сказала бы!

Л е в

Сестра,

За что грызешь ты и порочишь девку?
Чем пред тобой бедняга провинилась?

М а т ь

А ты, мой братец, лучше б помолчал,
Если тебя не трогают! Ты, видно,
Всех ведьм лесных готов собрать сюда!

Л е в

Когда б, сестра, ты дело говорила,
Так я тебя послушал бы, а то...
«Лесные ведьмы»! Где ж они такие?
Все ведьмы — в селах...

М а т ь

Да уж ты, видать,
Насквозь все знаешь... Что же, собирай
Лесную погань, — может, и дождешься
От них добра!

Л е в

А что же, и дождусь.
Все, что в лесу, — не погань, а богатство.
Оттуда все достатки наши...

М а т ь

(насмешливо)

Как же!

Л е в

Такие девки могут стать людьми!

М а т ь

Людьми?! Какими?! Пьян ты нынче, что ли?

Л е в

Да что ты знаешь? Мой покойный дед
Мне говорил, что надо знать лишь слово,

Тогда войти и в лесовичку может
Душа совсем такая ж, как и наша.

М а т ь

Ну, а куда же дух ее бесовский
Тогда исчезнет?

Л е в

Вновь ты за свое!..
Пойду уж лучше да займусь работой,
Чем эту жвачку тут жевать!

М а т ь

Иди!

Я не держу!

Лев, сердито мотнув головой, идет в хату. Мавка выходит из хаты переодетая; на ней грубая рубаха, плохо спитая и с заплатами на плечах, узкая юбка из набивной ткани и полинявший полосатый фартук. Волосы гладко зачесаны, и две косы закручены вокруг головы.

М а в к а

Ну, вот переделась.

М а т ь

Совсем иное дело!.. Ну, теперь
Пойду пока с цыплятами управлюсь.
Хотела я пойти на конопляник,
Да тут еще не кончена работа,
А ты-то к ней не очень...

М а в к а

Почему же?

Я, как умею, рада помогать.

М а т ь

То и беда, что мало ты умеешь,
Плохой ты и полольщицей была,
И в сенокос все голова болела..
Вот так и жать, наверно, будешь...

М а в к а

(со страхом)

Жать?!

Хотите вы, чтоб я сегодня жала?

М а т ь

А что ж такого? Нынче ведь не праздник.
(*Берет за дверью в сенях серп и подает Мавке.*)

Возьми вот серп, попробуй. Как управлюсь,
Сменяю тебя.

(*Уходит за хату, взявши из сеней сито с зерном. Вскоре слышится, как она зовет: «Цыпоськи, цыпоськи, цып-цып-цып!»*)

Лукаш с топором в руках подходит к молодому грабу, чтобы срубить его.

М а в к а

Не тронь его, любимый!

Оно живое.

Л у к а ш

Дай ты мне покой!

Мне некогда.

Мавка грустно смотрит ему в глаза.

Указывай сухое!

М а в к а

(*быстро выволакивает из лесу большое засохшее
дерево*)

Еще найду. Тебе ведь много надо?

Л у к а ш

Порядочно. Одним не загородишь.

М а в к а

И ты со мной чего-то неприветлив...

Л у к а ш

Да видишь... мать ругает за тебя...

М а в к а

А что ей надо? Ей какое дело?

Л у к а ш

Да как же? Я ведь сын...

М а в к а

Ну, сын,— так что?

Л у к а ш

Невестка ей такая не по нраву...
Она не терпит племени лесного...
Тебе она плохой свекровью будет!

М а в к а

В лесу не знают никакой свекрови.
Зачем свекрови эти да невестки —
Не понимаю!

Л у к а ш

Ей нужна невестка
Для помощи. Она уже стара.
Чужую на работу брать — неловко,
Нанять батрачку — тоже ведь не дочка...
Но, видно, ты того не понимаешь...
Чтобы в людских заботах разобраться,
Тебе бы нужно не в лесу родиться.

М а в к а

(искренне)

А ты мне расскажи, и все пойму я,
Ведь я люблю тебя... Я ж поняла
Все песни, что играл ты на свирели.

Л у к а ш

Невелика наука — эти песни!

М а в к а

Не унижай цветок своей души,
Ведь из него любовь возникла наша!
Он, словно папоротник, расцветает,
Тая в себе несметные богатства.
И сердце новое во мне забилося,
Лишь я его познала. В ту минуту
Со мной случилось чудо...

(Внезапно умолкает.)

Ты смеешься?

Л у к а ш

Да, право, как-то сделалось смешно...
По-будничному в старое одета,

А говоришь — как в праздник славословишь!
(Смеется.)

М а в к а
(дергает на себе одежду)
Сожгу ее!

Л у к а ш
Чтоб мать совсем загрызла?

М а в к а
Что ж делать, если в этом одеянье
Кажусь тебе другой?

Л у к а ш
Я так и знал!
Теперь пойдут и слезы и упреки...

М а в к а
Нет, милый, я тебя не упрекаю,
Мне только грустно, что свою жизнью
Не можешь ты подняться до себя.

Л у к а ш
Не понимаю, что ты говоришь.

М а в к а
Знай, что люблю тебя я больше жизни
За то, чего ты сам в себе не видишь,
Хотя душа твоя поет об этом
Чудесным, ясным голосом свирели...

Л у к а ш
А что же это?

М а в к а
Да оно прекрасней,
Чем весь твой облик милый и любимый,
Но выразить его я не умею..
(Грустно, с любовью смотрит на него и несколько
мгновений молчит.)

Сыграй же, мой хороший, на свирели,
Пускай она все горе зачарует!

Лукаш

Эх, мне играть теперь совсем не время.

Мавка

Так обними меня, чтоб я забыла
Размолвку эту.

Лукаш
(оглядываясь)

Тише! Мать услышит!
И так она твердит, что ты повисла
На шее у меня...

Мавка
(вспыхнула)

Знать, кто не с вами вырос, —
Вас не поймет! Ну, что все это значит —
«Повисла»? Что тебя я полюбила?
Что первая открылась? В том ли стыд,
Что сердцем я щедра и что сокровищ
Оно своих не прячет, а без счета
Любимого одаривает ими,
Не ожидая клятв и обещаний?

Лукаш

Была надежда — после расплатиться.

Мавка

Мне снова непонятно — «расплатиться»...
Да ты ж мне приносил дары такие,
Как сам хотел, как и мои тебе —
Не считаны, не мерены...

Лукаш

Отлично,
Что ничего друг другу не должны мы,
Об этом ты сама сказала, помни.

Мавка

А для чего мне нужно это помнить?

М а т ь
(*выходит из-за хаты*)

Ты так-то жнешь? А ты загон городишь?

Лукаш поспешно поволок дерево за хату.

Уж если жать ты, девонька, не хочешь,—
Неволить я не стану. Как-нибудь
Сама управлюсь. А настанет осень,
Даст бог, найду невестку на подмогу.
Вдова тут есть — проворная такая,
Сама она расспрашивала как-то...
Я согласилась, только бы Лукаш
Не заупрямился... Давай-ка серц,—
Другого у меня пока что нету.

М а в к а

Я буду жать. Идите в конопляник.

Мать идет через поляну к озеру и скрывается за тростником. Мавка, замахнувшись серпом, склоняется к житу. Из жита внезапно вынырнула Полевая русалка; сквозь плащ, сотканный из золотистых волос и покрывающий ее небольшую фигуру, то там, то здесь просвечивает ее зеленая одежда: на голове — синий васильковый венок; в волосах зауптались розовые цветы куколя, ромалка, повилика.

П о л е в а я р у с а л к а
(*с мольбой бросается к Мавке*)

Сестрица, погоди!
Красу мою ты пощади!

М а в к а

Я должна!

П о л е в а я р у с а л к а

И так все изувечено,
Помято, искалечено.
Цветы мои без времени
Повырваны с корнями!
Мак мой жаром пламенел,
А теперь он почернел,
Словно кровь текла, лилася
И в бороздке запеклася...

Мавка

Сестрица, я должна! Твоя краса
Весной распухнет еще буйнее,
Мое же счастье, коль теперь завянет,
Вовек не встанет!

Полевая русалка

(ломает руки и качается от горя, как от ветра колос)

Ой, горюшко, коса моя!
Коса моя золотая!
Ой, лишенько, краса моя!
Краса моя молодая!..

Мавка

Сестра, твоя краса недолговечна, —
На то растет, чтоб под серпом ложиться.
И зря меня ты просишь, — срок придет —
Не я, так кто-нибудь другой сожнет.

Полевая русалка

Видишь, как в поле волна расходилась,
С ветром играя.
Горько лишиться нам этого рая:
Лето еще ведь не скрылось,
Рожь не склонилась, не полегла, —
Смерть неминуемая к нам не пришла!
Хоть бы минуту! минутку! мгновение!
Скоро краса моя в горьком забвении
Ляжет на землю сама...
Сжался! не будь, как зима,
Что не умолишь уже, не упросишь!

Мавка

Рада б я бросить, — не бросишь:
Нет во мне силы, и нет во мне воли.

Полевая русалка

(шепчет, склонившись Мавке на плечо)

А не случилось кому-нибудь в поле
Ранить серпом, повредить себе руку?
Сжался! пойми мою муку!

Мне б для спасенья — лишь капельку крови,
не боле,—
Разве же это большая цена?

Мавка

*(резанула серпом по своей руке, кровь брызнула
на золотые косы Полевой русалки)*

Вот тебе, ясонька, на!

Полевая русалка низко кланяется Мавке, благодаря ее, и исчезает во ржи. От озера приближается мать и с ней полнолицая молодница в красном платке с бахромой, в бордовой юбке, мелко и ровно собранной в складки, и зеленом переднике с нашитыми на нем белыми, красными и желтыми полосами; рубашка густо вышита красными и синими узорами. На белой пухлой шее монисто из серебряных монет, пояс тесно перетягивает стан, и от этого полная, плотная фигура молодницы кажется еще пышнее. Молодница идет размашисто, мать едва поспевает за ней.

Мать

(молодице, любезно)

Идем, Килинушка,— здесь, у березы,
Трава свежей. А вот и деревьев,—
Вы ж собирались им попарить крышки?
Оп, милая, хорош для молока.

Килина

Мне с молоком уж некуда деваться!
Скорей бы ярмарка — купить посуды.
Горова-то турецкого заводу,—
Купил покойный муж,— и бог ты мой,
Молочная какая!.. Хлеб на поле
Я кое-как убрала, да теперь
Домашние работы одолели.
Беда одной — хоть разорвись на части!..
(Прибедняется, поджимает губы.)

Мать

Ой, ласточка, так вы уже убрали?
Оно и правда: если кто проворен,
Тот сможет все... А тут одна полоска,
И то бог ладу не дает...

Килина

(смотрит на полоску, где стоит Мавка)

А кто же

Там жнет у вас?

М а т ь

Да так, одна сиротка...
(*Шепотом.*)

Прости господь, никчемная такая...

К и л и н а
(*подходит с матерью к Мавке*)

День добрый, жница! Хорошо ли жнется?

М а т ь
(*всплеснула руками*)

Ой, горюшко, еще не начинала!
Да чем же ты, скажи мне, занималась?
Негодница! Лентяйка! Лежебока!

М а в к а
(*глухо*)

Я руку ранила...

М а т ь
Нашлась причина!

К и л и н а

А ну-ка, я! Давай скорее серп!

Мавка прячет серп за спину и враждебно смотрит на Килину.

М а т ь

Отдай, коль говорят! Ведь он не твой!

Вырывает серп из рук Мавки и отдает Килине, та бросается к ржи и жнет так быстро, как будто палит огнем,— даже солома трещит под серпом.

М а т ь
(*с удовольствием*)

Вот это жнет!

К и л и н а
(*не отрываясь от работы*)

Когда бы кто-нибудь
Крутил мне свясла, так единым духом
Я сжала б все.

М а т ь
(зовет)

Лукаш, иди сюда!

Л у к а ш
(подходит, Килине)

Бог в помощь вам!

К и л и н а
(продолжая жать)

Спасибо!

М а т ь

Вот, Лукаш,
Вязать снопы поможешь молодежи,
А та «помощница» «калекой» стала.

Лукаш начинает вязать снопы.

Ну, жните, детоньки, а я пойду
Сварю кисель — обед вам приготовлю.
(Идет в хату.)

Мавка отошла к березе, прислонилась к ней и сквозь длинные ветви
смотрит на жнецов.

Килина некоторое время усиленно жнет, потом разгибается, разминается
и смотрит на склонившегося над снопами Лукаша; усмехается, тремя
широкими прыжками подскакивает к нему и хлопает ладонью по плечу.

К и л и н а

А ну, быстрее! Не ползай, как улигга!
Эй, увалень!
(Заливается смехом.)

Л у к а ш
(тоже разгибается)

Ишь прыткая какая!
Ты не дразни, не то переборю!

К и л и н а

(бросает серп, упирается руками в бока)

А ну-ка! ну-ка! Кто кого — посмотрим!

Лукаш бросается к ней, она перехватывает ему руки, они «меряются силой», упершись ладонями в ладони. Некоторое время они не могут пересилить друг друга и стоят наравне. Потом Килина, смеясь и играя глазами, подалась немного назад. Разгоряченный Лукаш широко разводит ей руки и хочет ее поцеловать. Но в тот момент, когда их губы уже сблизились, она подставляет ему ножку, и он падает.

К и л и н а

(стоит над ним, смеясь)

Ну, что? Кто поборол? Не я тебя?

Л у к а ш

(встает, тяжело дыша)

Ногой подбить — не дело!

К и л и н а

Неужели?

В хате стукнула дверь. Килина снова бросается жать, а Лукаш вязать. Полоска быстро и густо покрылась снопами; несколько еще не связанных снопов лежат на свяслах, как побежденные, но еще по связашные пленники.

М а т ь

(с порога сеней)

А ну, жнецы, идите-ка обедать.

К и л и н а

Я кончила свое, а вон Лукаш
Никак не справится.

Л у к а ш

Да мне недолго.

М а т ь

Ну, ты кончай. Килинушка, идите!

Килина идет в хату. Двери закрываются. М а в к а выходит из-за березы.

Л у к а ш

(немного смутился, увидев ее, но быстро оправился)

Ах, это ты! Вот довяжи снопы,
А я пойду.

М а в к а

Вязать их не могу я.

Л у к а ш

Ты, что ж, сюда подглядывать явилась,
Коли не хочешь помогать?

(Вяжет сам.)

М а в к а

Лукаш,

Пусть эта женщина сюда не ходит, —
Я не люблю ее — она коварна,
Как выдра.

Л у к а ш

Ты ее совсем не знаешь.

М а в к а

Нет, знаю! Слышала и смех и голос.

Л у к а ш

Но этого ведь мало.

М а в к а

Нет, довольно.

Она хищна, как рысь.

Л у к а ш

И что же дальше?

М а в к а

Пускай в наш лес она не ходит больше!

Л у к а ш

(разогнувшись)

А разве ты лесной царицей стала,
Что судишь так — кто смеет в лес ходить,
Кто нет?

М а в к а

(мрачно, с угрозой)

В лесу такие есть провалы, —
Они закрыты щебнем и кустами, —
Ни человек, ни зверь про них не знает,
Пока не попадет...

Л у к а ш

А говорит
Про хищность, про коварство, — уж молчала б!
Как видно, я не знал твоей натуры!

М а в к а

Я, может, и сама ее не знала...

Л у к а ш

Так вот же слушай: если у тебя
Я позволения спрашивать обязан,
Кому ходить ко мне, — то лучше снова
Переберусь я из лесу в село.
Уж как-нибудь не пропаду с народом.
Сидеть с тобою, как лиса в ловушке,
Я не хочу.

М а в к а

Ловушек для тебя
Не ставила. Ты здесь по доброй воле.

Л у к а ш

По воле и уйду, коль пожелаю, —
Никто меня ничем здесь не привяжет.

М а в к а

Я разве привязать тебя хотела?

Л у к а ш

К чему ж тогда вся эта болтовня?
(Довязывает последний сноп и, не глядя на Мавку, идет в хату.)

Мавка села на борозде и, грустно задумавшись, наклонилась над стернею.

Л е в

(выходит из хаты)

О чем ты так, бедняжка, загрустила?

М а в к а

(тихо, грустно)

Проходит лето, дядя...

Л е в

Для тебя
Все это горько... Я уж было думал,
Что вербы на зиму тебе не нужно.

М а в к а

А где б я зимовала?

Л е в

Да, по мне,
С тобой и в хате не было бы тесно...
Да вот сестру никак не уломаешь.
И так и этак говорил я с нею,
А толку нет... Вот если б был я здесь
Хозяином, — и спрашивать не стал бы.
Но отдал я и землю им и хату.
Здесь воля не моя. Я сам к зиме
Уйду в село, в свое жилье родное...
Когда бы там могла ты поселиться,
Я б взял тебя.

М а в к а

В селе я не могу...
А то пошла б. Вы добрый и хороший.

Л е в

Хорош и добр не человек, а хлеб.
Но это правда: очень мне по праву
Лесное племя ваше. Умирать
Я в этот лес приду, подобно зверю, —
Вот тут под дубом пусть и похоронят...
Эй, дуб-дубочек, будешь ли стоять,
Когда сложу я голову седую?..
Да где уж там! Дубы и не такие
Стояли, да и нет... Так зеленей же
Хоть до морозов, друг ты мой кудрявый,
А там пошлет ли бог весны дожждаться?..
(*Стоит, грустно опершись на палку.*)

Мавка не спеша выбирает полуувядшие цветы из сжатого жита и складывает их в пучок. Из хаты выходят мать, Килина и Лукаш.

М а т ь
(Килине)

Чего спешить? Еще бы посидели.

К и л и н а

Да нет уж, тетушка, пора идти.
Подходит вечер, и одной мне страшно.

М а т ь

Лукаш, ты проводил бы.

Л у к а ш

Что же, можно.

К и л и н а
(*смотрит на него*)

Работа, может, есть?

М а т ь

Да нет, какая ж
Работа вечером? Иди, сынок, иди
Да проводи Килинку до дороги.
Одной под вечер боязно в лесу.
Она еще такая молодая,
Что могут и напасть...

К и л и н а

Ой, что вы, тетя!
Теперь совсем меня вы запугали!
Идем, Лукаш, пока не свечерело,
А то опасно и вдвоем...

Л у к а ш

Чтоб я
В лесу боялся?! Ого-го! Пожалуй!

М а т ь

Он у меня, Килинушка, храбрец, —
У хлопца эту честь не отнимайте.

К и л и н а

Да это ж в шутку все...
(Заметила дядю Льва.)

А? дядя Лев!
Вы тоже дома?

Л е в
(будто не расслышал)

А? ступайте с богом!
(Идет в лес.)

К и л и н а

Ну, оставайтесь, тетушка, здоровы!
Хочет поцеловать старухе руку, но та не дает, вытирает себе рот передником и трижды церемонно целуется с Килиной.

К и л и н а
(уже на ходу)

Ну, оставайтесь да добром разживайтесь!

М а т ь

Весело живите да к нам приходите!
(Идет в хату и закрывает за собою дверь.)

Мавка встает и тихой, как бы утомленной походкой идет к озеру, садится на склонившуюся вербу, роняет голову на руки и тихо плачет. Начинает накрапывать дождик, густою сеткою заволакивая поляну, хату и лес.

Р у с а л к а

(подплывает к берегу и смотрит на Мавку
с удивлением и любопытством)

Ты плачешь, Мавка?

М а в к а

Разве ты ни разу
Не плакала, Русалочка?

Р у с а л к а

О, я!
Коль я заплачу на одно мгновенье,
То кто-то будет до смерти смеяться!

М а в к а

Ты никогда, Русалка, не любила...

Русалка

Я не любила? Нет, то ты забыла —
Какой на свете быть любовь должна!
Любовь — как та вода: быстра, текуча,
Играет, кружит и, лаская, топит.
Где жар — она кипит, а встретит холод, —
Так станет камнем. Вот *моя* любовь!
А вот твоя — соломенного духа
Дитя больное. Клонится от ветра,
На землю валится. А встретит искру, —
Сгорает без борьбы, и остается
Лишь только гарь да серая зола.
Когда ж ее с пренебреженьем бросят,
Она лежит и киснет, как солома,
В воде досады горькой, и над нею
Дожди раскаянья шумят, шумят.

Мавка

(поднимает голову)

Раскаянья? А ты спроси березу —
Раскаялась ли та, что по ночам
Весенний ветер расплетал ей косу
Своей рукой?

Русалка

Чего ж она печальна?

Мавка

Что милого не может приласкать,
Обнять навеки длинными ветвями.

Русалка

Но почему ж?

Мавка

Да он ведь — вешний ветер.

Русалка

Зачем же было ей любить такого?

Мавка

Да он был нежный, ласковый, хороший;
Он с тихой песней колыхал листочки,

Ласкаясь, целовал ее веночек,
Кропил росой молодую косу...
Он был такой... он был совсем весенний.
Иного бы она не полюбила.

Р у с а л к а

Ну, и пускай теперь опустит траур
Аж до земли! — тот ветер обнимать
Ей не придется — он уже промчался.

(Тихо, без плеска, отплывает от берега и исчезает в озере.)

Мавка снова склонилась, длинные черные косы опустились до земли. Начинается ветер. Он гонит серые тучи, а вместе с ними и стаи черных птиц, отлетающих на юг. Потом от сильного порыва ветра дождевые тучи расходятся, и становится виден лес. Он стоит в искрящемся осеннем убранстве на фоне темно-синего предзакатного неба.

М а в к а

(тихо, с глубокой грустью)

Так... он уже промчался...

Л е ш и й выходит из чащи. Он в длинной одежде цвета старого золота с темно-красной каймой внизу. Вокруг шапки обвита ветка созревшего хмеля.

Л е ш и й

Дочка, дочка!

Как тяжело ты страдаешь за измену!..

М а в к а

(поднимает голову)

Кому же изменила я?

Л е ш и й

Себе.

Покинула могучие вершины
И вниз, на стежки узкие, спустилась.
Кому ты уподобилась? Служанке,
Батрачке, что своей работой горькой
Кусочек счастья заслужить хотела —
И не смогла! И только стыд, наверно,
Стать попрошайкой не дает тебе.
А вспомни-ка, такую ль ты была
В ту ночь, когда впервые полюбила?
Ходила ты царвеною лесною,
Венок из звезд сверкал на темных косах,
И счастье жадно руки простирало,
Чтобы вручить тебе свои дары!

М а в к а

Что ж делать мне, коли погасли звезды
И на венке и в сердце у меня?

Л е ш и й

Не все венки твои погбли, дочка.
Взгляни вокруг — какой повсюду праздник!
Весь в золото оделся яшень-князь,
Лесная роза убралась в кораллы.
И, белый цвет сменив на гордый пурпур,
Стоит калина, что тебя венчала
Под свадебные песни соловья.
И даже верба старая с березой
Малиновым и желтым принакрылись
На праздник осени. Лишь ты одна
Сорвать лохмотьев нищенских не хочешь.
Ты, знать, забыла, что тоска не может,
Не смеет быть сильнее красоты!

М а в к а

(порывисто встает)

Давай мне праздничный убор, дедуся!
Я буду вновь царевною лесною,
И счастье упадет к моим ногам,
Меня о ласке умоляя!

Л е ш и й

Дочка,

Давно готово платье для царевны,
Она сама лишь где-то пропадала
И ради шутки нищенкой оделась.

(Распахивает свою одежду и достает запрягнутую под ней пышную, вышитую золотом багряницу и серебряное покрывало на голову. Накидывает багряницу на Мавку поверх ее одежды.)

Мавка идет к калине, быстро ломает ветки с красными ягодами, свивает себе венок, распускает косы, украшает голову венком и склоняется перед Лешим; тот накидывает ей на голову серебряное покрывало.

Теперь уж за тебя я не боюсь.
(Важно кивнувши ей головой, быстрым шагом идет в чащу и исчезает.)

Из лесу выбегает П е р е л е с н и к .

М а в к а .

Вновь ты?

(Собирается убежать.)

Перелесник
(снисходительно)

Не бойся, не к тебе. Хотелось
Мне навестить Русалку полевую,
Да вижу, что она заснула... Жалко...
А ты осунулась...

М а в к а
(гордо)

Неправда это!

Перелесник
Неправда? Вряд ли... Дай-ка присмотреться.
(Подходит к ней.)

Мавка отступает.

Да ты чего пугаешься? Я знаю,
Что ты обручена, и я не трону.

М а в к а

Прочь! Не глумись!

Перелесник

Да не гневись ты, — что ж,
Коли ошибся я... Послушай, Мавка,
Давай мы побратаемся.

М а в к а

С тобою?

Перелесник

А почему бы нет? Настала осень,
И даже солнце, видишь, остывает.
И в нас остыла кровь... Да мы ж с тобою
Товарищами были, а потом
Любились иль шутили — неизвестно.
Теперь настал братанья час. Дай руку.

Мавка несколько нерешительно подает ему руку.

Позволь мне, Мавка, братским поцелуем
Поцеловать лицо твое.

Мавка уклоняется, но он все-таки ее целует.

Ой, сразу

Цветы на бледных зацвели щеках! —
Спокойные, осенние, простые...

(Не выпуская ее руки, смотрит на поляну.)

Взгляни, как там летает паутина,

И кружится, и вьется на ветру...

Вот так и мы...

(Внезапно увлекает ее танцевать.)

Так вот вдвоем

Кинемся, ринемся,

Танец начнем!

Звезды лучистые,

Зори цветистые,

Ясные, красные, искры огнистые —

Все, что сверкает,

Все, что сияет,—

Кружится, вьется, дрожит и играет!

Так вот и я...

Будь же как искра, любовь ты моя!

Все быстрее танец. Серебряное покрывало на Мавке взвилось вверх, как блестящая змея, черные косы рассыпались и смешались с огнистыми кудрями Перелесника.

М а в к а

Стой же ты!.. хватит!..

П е р е л е с н и к

Сердце растратить

В час иль в минуту — не все ли равно?

Счастье — измена,

Счастье мгновенно

Тем, что проходит, и сладко оно!

Танец становится безумным.

Взовьемся!

Сольемся!

Мы вихрем взметнемся!

Мчимся!

Помчимся

К огнистому раю!

М а в к а

Пóлно!.. Пусти меня!.. Я умираю!..

Голова ее падает ему на плечо, руки опускаются. Обомлевшую, он продолжает кружить ее в танце. Вдруг из-под земли появляется темный, широкий, страшный П р и з р а к.

П р и з р а к

Отдай мое. Пусти ее ко мне.

П е р е л е с н и к

(останавливается и выпускает Мавку из рук. Она бессильно опускается на траву)

Кто ты такой?

П р и з р а к

Не знаешь разве? Я

Тот, кто в скале сидит.

Перелесник вздрагивает, быстрым движением бросается прочь и исчезает в лесу. Мавка очнулась, чуть-чуть приподнялась, широко раскрыла глаза и с ужасом смотрит на Призрака, который протягивает руки, чтобы взять ее.

М а в к а

Я не хочу!

Я не хочу к тебе! Ведь я живая!

Тот, кто в скале сидит

Я поведу тебя в далекий край,
Туда, где темные глухие воды
Спокойно спят, как мертвые глаза;
Стоят над ними скалы молчаливо —
Свидетели давно угасших дней.
Спокойно там: ни травы, ни деревья
Не шелестят и грез не навсвают
Несбыточных, что не дают заснуть;
Весенний ветер не заносит песен
О воле недоступной; не горит
Огонь всепожирающий; о скалы
Лишь молнии ломаются, не в силе
Пробить твердыню мрака и покоя.
Приют твой там: ты от огня бледнеешь,
И млеешь, цепенеешь от движенья;
Тень — счастье для тебя. Ты умерла.

М а в к а
(поднимается)

Нет, я жива! И буду жить я вечно!
Есть в сердце то, что умереть не может.

П р и з р а к

А почему ты это знаешь?

М а в к а

Мúку

Свою люблю и не хочу забыть.
Когда б забыть ее я захотела,
Я б за тобой пошла куда угодно,
Но никакая сила в целом свете
Желанного не даст мне забытья!

В лесу слышится шум шагов.

Вот он идет, кто дал мне эту мúку!
Сгинь, Призрак, сгинь! Идет моя надежда!

Тот, кто в скале сидит отступил в темные кусты и там притаился. Из лесу выходит Лукаш.

Мавка идет навстречу Лукашу. От яркой одежды лицо ее кажется смертельно бледным, в широко раскрытых больших глазах светится надежда; движения ее порывисты и в то же время бессильны: как будто внутри нее что-то обрывается.

Л у к а ш
(увидя ее)

Какая страшная! Что тебе надо?
(Спешит к хате, стучится в дверь. Мать, не выходя наружу, открывает, Лукаш на пороге — матери.)

Скорее хлеб готовьте для сватов,—

Я завтра, мама, сватаю Килину!

(Входит в хату.)

Двери закрываются.

Тот, кто в скале сидит выходит из кустов и приближается к Мавке.

М а в к а
(срывает с себя багряницу)

Бери меня! Я забытья хочу!

Тот, кто в скале сидит прикасается к Мавке. Она, вскрикнув, падает ему на руки. Он закрывает ее своей черной одеждой, и оба они опускаются под землю.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Хмурая ветреная осенняя ночь. Последний желтый отблеск месяца гаснет в хаосе голых лесных вершин. Стонут филины, хохочут совы, назойливо кричат сычи. Вдруг все это покрывается протяжным тоскливым волчьим воем. Вой разрастается все больше и больше и сразу обрывается. Наступает тишина. Начинается тусклый болзненный рассвет поздней осени. Голый лес едва вырисовывается на пепельном небе черной щетиной, а вдали по опушке стелется растрепанный сумрак. Стены Лукашовой хаты начинают белеть, возле одной из стен чернеет какая-то фигура, бессильно прислонившаяся к косяку двери. В ней едва можно узнать Мавку; она в черной одежде, на голове — серое покрывало.

Только на груди краснеет маленький пучок калины.

Когда немножко посветлело, на поляне стал заметен большой пенёк на том месте, где когда-то стоял столетний дуб. Недалеко от него — свеженасыпанная, еще не поросшая травой могила.

Из лесу выходит Леший в серой свитке и в шапке из волчьего меха.

Леший

(приглядывается к фигуре, когорая стоит у стены)

Ты, дочка?

Мавка

(немного приблизившись к нему)

Я.

Леший

Ужели ж отпустил
Тебя назад Тот, кто в скале сидит?

Мавка

Ты вызволил своим преступным делом.

Леший

Ты преступленьем называешь месть,
Которой справедливо отомстил я
Изменнику, любимцу твоему?
Да разве ж он познал не по заслугам
Отчаянье, тоску и безнадежность,
Блуждая по лесу, подобно волку?
Теперь он бродит диким вурдалаком,—
Так пусть визжит, и голосит, и воет,
И жаждет крови, но смертельной муки
Он не погасит!

Мавка

Радуешься зря.
Его спасла я. Отыскала в сердце

Волшебное живительное слово,
Что зверя превращает в человека.

Л е ш и й

(злбно топает ногой и с треском ломает свою палку)

Быть дочерью лесов ты не годишься!
Дух у тебя не вольный, не лесной,
А избяной и рабский!

М а в к а

Если б знал ты,
О, если б знал, как страшно это было!..
Спала я каменным холодным сном
В пещере темной, скользкой и глубокой.
Когда пробился искаженный голос
Сквозь мрачную скалу и над водою
Послышалось в пещере завыванье —
Тоскливое, протяжное, глухое —
И разбудило умершее эхо...
И я проснулась. Пламенем подземным
Склеп взорвала моя любовь и жалость,
И вновь я вырвалась на свет. И слово
Мои уста немые оживило.
Я совершила чудо... Я узнала,
Что мне вовек не будет забытья.

Л е ш и й

Где ж он теперь? Чего он не с тобою?
Знать, велика его неблагодарность,
Как и любовь твоя к нему.

М а в к а

Дедуся!

Ты б поглядел!.. Лишь стал он человеком,—
Как ясень срубленный, упал к ногам..
И так смотрел тоскливо, безнадежно,
С таким раскаяньем, с такой мольбою!..
Лишь только люди могут так смотреть!
Я не успела вымолвить и слова,
Как он вскочил и тотчас от меня
Закрыв лицо дрожащими руками
И бросился, не проронив ни звука,
В густой терновник,— там и скрылся с глаз.

Л е ш и й

А что ж теперь надумала ты делать?

М а в к а

Не знаю... Я теперь брожу, как тень,
У этой хаты: не хватает силы
Ее оставить... Чует мое сердце,
Что он вернется...

Леший молча и грустно качает головой. Мавка снова прислоняется к стене.

Л е ш и й

Бедное дитя!

Зачем от нас ушла ты в край унылый?
Ужель покоя нет в родном лесу?
Смотри, тебя вон ожидает верба,
Она давно постель твою постлала.
И все грустит, что ты пропала где-то.
Иди и ляг.

М а в к а

(тихо)

Я не могу, дедуся.

Леший, глубоко вздохнув, тихонько пошел в лес. Из лесу доносится бешеный топот. Кажется, что кто-то во весь опор гоняет по лесу коня, потом останавливается.

К у ц

*(выскакивает из-за хаты, потирая руки, и, увидев
Мавку, останавливается)*

Ты, Мавка, здесь?

М а в к а

А ты чего блуждаешь?

К у ц

Я их коня за гриву приволок,
Ох, повозил меня он напоследок!
Теперь на нем никто уж не поедет.

М а в к а

Негодник ты! Весь лес наш осрамил!
Ведь мы же клятву дяде Льву давали!

К у ц

Та клятва вместе с дядей умерла.

М а в к а

Как, умер дядя Лев?

К у ц

Вот и могила.

Под дубом старика похоронили,
А возле пня приходится лежать.

М а в к а

Упали оба... Чувствовал старик,
Что зимовать ему уж не придется...
(*Подходит к могиле.*)

Ой, как же плачет сердце по тебе,
Единый друг мой! Если б я имела
Живые слезы,— оросила б землю,
Бессмертный бы взрастила я барвинок
Здесь на могиле. Да теперь бедна я,
И скорбь моя, как мертвый лист, ложится...

К у ц

Мне жалость не к лицу. И все ж я должен
Сказать, что очень жалко старика:
Всегда умел он с нами жить в согласье.
Он черного козла держал в конюшне,
Чтоб только было мне на чем кататься.
Лечу, бывало, на козле стрелою,
А лошади стоят себе спокойно.
А этим бабам с нами не ужиться:
Срубил дуб и продал козла —
Нарушили свое же обещанье.
Зато и я их лучшего коня
Заездил насмерть. Купят — вновь заезжу.
Еще к тому ж уговорил я ведьму,
Чтоб их коров попортила она,—
Пускай узнают, как не ладить с нами!
А Водяной им сено подмочил,
А семена сгноили потерчата.
И Лихорадка треплет их нещадно,
Что озеро пеньюкою завалили.
Не будет им добра у нас в лесу!
Уже и злыдни бродят возле хаты.

Злыдни
(*маленькие заморыши в лохмотьях, голодные и жадные, появляются из-за угла хаты*)

Мы здесь! Кто нас зовет?

Мавка
(*загораживает им путь к двери*)

Никто. Уйдите!

Никто вас не зовет!

Один злыдень
Слетело слово —
Обратно не вернешь.

Злыдни
(*салятся на пороге*)

Хотя б скорее
Открылись двери — мы изголодались!

Мавка
Я не пушу туда!

Злыдни
Так дай нам есть!

Мавка
(*со страхом*)

Нет у меня ни крошки.

Злыдни

Дай калину,
Вон ту, что ты на сердце носишь. Дай!

Мавка
То кровь моя!

Злыдни
Так что же, — кровь мы любим.

Один из злыдней бросается к ее груди и сосет калину, остальные пытаются оттащить его, чтобы попробовать самим. Они толкаются, грызутся и урчат, словно собаки.

К у ц

Прочь от нее, — она не человек!

Злыдни останавливаются, щелкают зубами и воют от голода.

З л ы д н и

(Куцу)

Давай нам есть, пока тебя не съели!

(Набрасываются на Куца, но он отскакивает.)

К у ц

Ну-ну! Потише!

З л ы д н и

Есть! Мы голодны!

К у ц

Постойте! Баб я разбужу сейчас, —

Еда вам будет, ну, а мне забава.

(Берет комок земли, бросает в окно и разбивает стекло.)

Г о л о с м а т е р и

(в хате)

Ой, что такое? Снова нечисть ходит!

К у ц

(злыдням шепотом)

Вот видите, проснулась. А теперь

Покличет вас. Сидите только тише,

А то старуха так начнет вас клясть,

Что вмиг провалитесь, — она такая.

Злыдни скопляются у порога темной грудой. Сквозь разбитое стекло слышно, как в хате встает мать, потом раздается ее голос, а немного погодя голос Килины.

Г о л о с м а т е р и

Уже светло кругом, а та все спит.

Килина! Эй, Килина! Ну и спит же!

Чтоб ты навек заснула!.. Эй, вставай!

Чтоб ты вовек не встала!..

Г о л о с К и л и н ы

(сонно)

Да чего там?

М а т ь
(ядовито)

А не пора ль тебе доить корову —
Молочную, турецкого заводу,
Что муж-покойник для тебя купил?

К и л и н а
(проснувшись)

Да нет, уж лучше подою я ваших
И надежу три капли молока —
Фунт масла будет.

М а т ь

Не смолчит ни разу.
Кто ж виноват, что молока не стало?
С такой хозяйкою... ой, горе, горе!
Ну и невестка! Где взялась такая
На нашу голову?

К и л и н а

Да кто ж просил
Меня в невестки брать? У вас была ведь
Какая-то сиротка-замарашка, —
Ее бы вы получше приодели,
Вот и была б невестка вам по праву.

М а т ь

А что ж, — она б действительно была!
Глупец Лукаш, что за тобой погнался;
А та была покорна и добра, —
Хоть к ране приложи... Ты замарашкой
Ее зовешь, а вот поди сама
Ее одежду мигом перешила
И носишь, — как тебе не стыдно только?

К и л и н а

У вас похвалишься обповкой!.. Как же!..
Вон муженечка где-то ветер носит,
А ты горюй с проклятою свекровью, —
И ни жена и ни вдова — никто!

М а т ь

Какой же муж с тобою мог ужиться?
Лихое лихо! все, что было, съела
С детьми своими, — вон они сидят!
Чтоб вам на шею злыдни понасели!

К и л и н а

Пусть на того насядут, кто зовет их!

При этих словах она открывает дверь. Куц убегает в болото. Злыдни вскакивают и вбегают в сени. Килина с ведром в руках быстро бежит к лесному ручью, шумно черпает воду и возвращается обратно уже более спокойной походкой. Замечает у двери М а в к у, которая стоит обессиленная, закрыв лицо серым покрывалом.

К и л и н а

(останавливается и ставит ведро на землю)

Ты кто такая?.. То ли опьянела,
То ль, может быть, замерзла...
(Тормошит Мавку за плечи.)

М а в к а

(через силу, словно борясь с тяжелой дремотой)

Зимний сон

Берет меня...

К и л и н а

(открывает ее лицо и узнает ее)

Зачем сюда явилась?

Тебе не заплатили за работу?

М а в к а

(так же, как и раньше)

Никто, никто мне заплатить не может.

К и л и н а

К кому же ты пришла? Его здесь нет.
Я знаю, ты к нему! Признайся,
В любви он клялся?

М а в к а

(так же)

День разгорался —
Ясный, веселый, не тот, что сейчас...
Он уж погас...

К и л и н а

Бредишь?! Довольно!

М а в к а
(так же)

Вольна я, вольна...
Тучка скитается в небе раздольном,
Тихая, грустная, плачет и мчится...
Где ж голубая зарница?

К и л и н а

(хватает ее за руку)
Прочь! Не морочь меня! Чего стоишь?

М а в к а
(устало, отходя от дверей)

Стою да смотрю, как счастливо живете.

К и л и н а

А чтоб ты засохла, как верба в болоте!

Мавка мгновенно превращается в вербу с сухой листвой и плакучими ветвями.

К и л и н а
(опомнившись от изумления, враждебно)

Ага! Знать, в добрый час тебе сказала!
Ну-ну, теперь недолго настоишься!..

М а л ь ч и к
(выбегает из хаты. Килине)

Ой, мама, где вы? Есть нам захотелось,
А бабка не дает!

К и л и н а

Да отвяжись ты!
(Шепотом, наклонившись к нему.)
Я там пирог припрятала за печкой,—
Как бабка выйдет, вы его и съешьте.

М а л ь ч и к

То вы сухую вербу посадили?
Зачем она?

К и л и н а

Все знать тебе охота!

М а л ь ч и к

Я дудку вырежу из вербы.

К и л и н а

Режь!

Мальчик срезает с вербы ветку и возвращается в хату. Из лесу выходит Л у к а ш, худой, с длинными волосами, без свитки, без шапки.

К и л и н а

(радостно вскрикивает, увидев его, но тотчас же радость сменяется досадой)

Пришел, явился! Где тебя носило
Так долго?

Л у к а ш

Не спрашивай...

К и л и н а

Ну, вот!

Шатался где-то, пропадал, носился,
А где — так даже и спросить нельзя!
Ох, милый мой, и спрашивать не стоит...
Уж где-нибудь корчма нашлась, наверно,
А в ней и свитка с шапкой загуляли!

Л у к а ш

В корчме я не был...

К и л и н а

Кто ж тебе поверит?

(Начинает причитать.)

Навек свою головушку сгубила
За пьяницу горьким!

Лукаш

Не скули!

Килина умолкает и со страхом смотрит на него.

Теперь тебя расспрашивать начну я!
Где старый дуб? Зачем его срубили?

Килина

(сначала смугилась, но быстро оправилась)

Что ж было делать? С голоду подохнуть?
Пришли купцы, купили и — конец!
Большое счастье — дуб!

Лукаш

Но дядя Лев

Поклялся не рубить.

Килина

Твой дядя помер.

Какой же толк теперь от этой клятвы?
А мы с тобою клятвы не давали.
Да я весь лес продать была бы рада
Иль вырубить его, — как у людей
Была бы пашня, а не чертов угол,
Где вечером и высунуться страшно!
Скажи, какая польза нам от леса?
Скитаемся, подобно вурдалакам, —
Того гляди, по-ихнему завоем!

Лукаш

Молчи! молчи! не говори!

(В голосе его слышится безумный страх.)

Ты хочешь

Продать весь лес... срубить его... тогда уж
Не будет так... как ты сказала?

Килина

Как?

Подобно вурдала...

Лукаш

(зажимает ей рот)

Молчи!

К и л и н а
(вырвавшись)

О боже!
Ты пьян, иль сглазили тебя, быть может?
Иди-ка в хату.

Л у к а ш

Я пойду... сейчас...

Вот только... выпью чуточку водицы...
(Становится на колени и пьет из ведра. Потом поднимается и задумчиво смотрит перед собой, не двигаясь с места.)

К и л и н а

Ну? Что задумался?

Л у к а ш

Я? Так... не знаю...

(Нерешительно.)

Никто тут не был без меня?

К и л и н а
(жестко)

А кто же

Прийти бы мог?

Л у к а ш
(опустив глаза)

Не знаю.

К и л и н а
(злобно усмехаясь)

Ты не знаешь,
Так я, быть может, знаю.

Л у к а ш
(встревоженно)

Ты?

К и л и н а

А что ж?

Известно мне, кого ты ожидаешь,
Да только — нет! — напрасны ожидания!
Была — сплыла. Знать, в дерево пошла...

Лукаш

Что ты сказала?

Клинка

То, что слышал.

Мать

(выбегает из хаты и бросается обнимать Лукаша. Он холодно ее встречает)

Сын мой!..

Сыночек мой! Ой, сколько ж натерпелась
Я с этой ведьмою!

Лукаш

(содрогнувшись)

С какую?

Мать

(указывая на Клинку)

С этой!

Лукаш

(с горькой усмешкой)

И эта стала ведьмой? Знать, судьба
Судила вам свекровью быть у ведьмы.
Чья ж тут вина? Ведь вы ж ее хотели.

Мать

Когда б я знала, что она такая
Неряха, никудышная...

Клинка

(вмешивается в разговор)

Ой, горе!

Кто б говорил!.. Таких нерях и ведьм,
Как ты сама, еще и свет не видел!
Ну, уж и мать, мой милый, у тебя, —
Железо разгрызет.

Лукаш

А ты, я вижу,
Покрепче, позанозистей железа.

К и л и н а

Вот от тебя и дождалась защиты!
Какая мать — такой, видать, и сын!
На что ж ты брал меня? Чтоб измываться,
Чтоб мною помыкать?

М а т ь
(*Лукашу*)

Да неужели ж
Не скажешь ей, чтоб рот она заткнула?
Я, что же, на издевку ей досталась?

Л у к а ш

Да дайте ж мне покой! Вы, знать, хотите,
Чтобы не только я ушел из хаты,
А чтоб и свет покинул? И покину!

К и л и н а
(*матери*)

Что? Дождалась?

М а т ь

Чтобы тебе от сына

Дождаться так!

(*Разозленная, идет в хату, на пороге встречается с
сыном Килины, который выбегает со свирелью
в руках.*)

Уйди отсюда, злыдень!

(*Толкает мальчика и входит в хату, хлопнув дверью.*)

М а л ь ч и к

Уже вернулись, татку?

Л у к а ш

Да, мой сын.

(*Слова «мой сын» он произносит с оттенком иронии.*)

К и л и н а
(*злобно*)

А как же называть тебя он должен?
Быть может, дядей?

Лукаш
(несколько пристыженный)

Нет... я ничего...
Поди сюда, мой маленький, не бойся.
(Гладит мальчика по белой головке.)
Ты сам свирель такую сделал?

Мальчик

Сам.
Да не умею я играть. Вот вам бы...
(Протягивает свирель Лукашу.)

Лукаш

Эх, мальчик, кончилось мое игранье!
(Грустно задумывается.)

Мальчик
(хныкая)

Вы не хотите? Мама, почему он
Не хочет поиграть мне на свирели?

Килина

Еще чего! Нужна его игра!

Лукаш

Ну, дай-ка мне свирель свою.
(Берет свирель.)

Отлична.

Из вербы сделал?

Мальчик

Да, из этой самой.
(Показывает на вербу, в которую превратилась
Мавка.)

Лукаш

Я что-то раньше здесь ее не видел.
(Килине.)

Ты посадила?

Килина

Кто ее сажал!

Торчал отросток — вот он и разросся,—
Земля сырая, да к тому ж дожди!

М а л ь ч и к
(капризно)

Чего ж вы не играете?

Л у к а ш
(задумчиво)

Сыграть?..

(Начинает играть сначала тихо, потом громче. Переходит на ту веснянку, которую играл когда-то Мавке.)

Внезапно свирель начинает говорить человеческим голосом:

Сладко он играет,
Глубоко вздыхает,
Белу грудь мне разрывает,
Сердце вынимает...

Л у к а ш
(роняет свирель)

Что это за свирель? Здесь колдовство!

Мальчик, испугавшись крика, убегает в хату.

Ответь, колдунья, что это за верба?
(Хватает Килину за плечо.)

К и л и н а

Да отвяжись! Я ничего не знаю:
С лесным отродьем дружбы не вожу,
Как весь твой род! Сруби ее, коль хочешь,—
Мне все равно. На вот, бери топор!
(Приносит из сеней топор.)

Л у к а ш
(взявши топор, подошел к вербе, ударил один раз по стволу. Она качнулась и зашелестела сухими листьями. Он замахнулся в другой раз, но тут же опустил руки)

Рука не поднимается чего-то,
И больно сердце сжалось...

К и л и н а

Дай-ка я!

(Вырывает у Лукаша топор и широко замахивается на вербу.)

В это мгновение с неба огненным змеем-метеором слетает Перелесник и обнимает вербу.

Перелесник

Спасу тебя, любовь моя, спасу!

Верба сразу вспыхивает пламенем. С ее вершины пламя перекидывается на хату, загорается соломенная крыша, пожар быстро распространяется. Мать Лукаша и дети Килины выбегают из хаты с криком: «Горим! Горим! Спасайте! Ой, пожар!» Мать и Килина мечутся, выхватывая из огня все, что только можно. На мешках и узлах, вытаскиваемых из хаты, сидят, скрючившись, злыдни. После они прячутся в эти мешки и узлы. Дети носят воду и заливают огонь, но он разгорается все сильнее.

М а т ь
(Лукашу)

Чего стоишь? Спасай свое добро!

Л у к а ш
(вперив глаза в стропила, охваченные пламенем)

Добро? А может, там сгорит и горе?..

Стропила с треском рушатся. Искры столбом взвиваются вверх. Потолок проваливается, и вся хата превращается в пылающий костер. Надвигается тяжелая белая туча, и начинает идти снег. Скоро белая снеговая мгла закрывает все. Никого не видно. Только багряный свет пламени указывает место пожара. Немного погодя, когда пламя гаснет и снегопад уменьшается, становится видно черное место пожарища. Оно еще дымится и трещит от влаги. Ни матери Лукаша, ни детей Килины, ни узлов с пожитками уже нет. Сквозь снег виден только недогоревший сарай, нагруженная повозка и кое-какие предметы сельскохозяйственного обихода.

К и л и н а
(с последним узлом в руках, дергая Лукаша за рукав)

Лукаш! Лукаш!.. Ты что, остолбенел?
Хотя б помог мне выносить пожитки!

Л у к а ш
Да вы ж давно повынесли всех злыдней.

К и л и н а
Молчал бы лучше! Что пустое мелешь?

Л у к а ш
(смеется тихим странным смехом)

Я вижу то, чего ты не увидишь...
Теперь я мудрым стал...

К и л и н а
(со страхом)
Ой, муженек мой,
Ты говоришь такое... я боюсь!

Лукаш

Чего ж бояться? Дурня не боялась,
А мудрого боишься?

Килина

Мой Лукаш!

Уйдем скорей в село!

Лукаш

Нет, не пойду я.

Я из лесу не выйду. Здесь останусь.

Килина

Да что ж ты будешь делать?

Лукаш

Разве нужно

Мне что-то делать?

Килина

Как же будем жить мы?

Лукаш

А жить зачем?

Килина

Лукаш, побойся бога!

С ума сошел ты, или что еще,

Быть может, с перепугу приключилось.

Пойдем в село, там позовем мы бабку,

Чтобы сняла испуг.

Лукаш

(смотрит на нее с пренебрежительной усмешкой)

А кто же здесь

Остатки эти сторожить нам будет?

(Показывает на нагруженную повозку и различные разбросанные предметы.)

Килина

(озабоченно)

Ой, правда, правда,— все порастаскают!

Проведают, что был у нас пожар,

Да и нахлынут из села толпою.

Так ты уж здесь пока что оставайся.

Я побегу, в селе достану лошадь,—

Ведь наша лошадь, знаешь сам, сгорела,

Все сложим на воз, да и увезем
К твоей родне... Быть может, нас и примут...
Ой, горе! Надо как-нибудь спастись...

Последние слова Килина произносит уже на ходу, по дороге в лес. Лукаш провожает ее тихим смехом. Скоро она исчезает. Из лесу выходит какая-то высокая женская фигура в белой длинной рубашке и в завязанном по-старинному повойнике. Она идет, шатаясь, как будто валится от ветра, иногда останавливается и низко кланяется, словно чего-то ищет. Подойдя поближе к кустам ежевики, что стоят недалеко от пожара, она выпрямляется, и тогда становится видно ее изможденное лицо, похожее на лицо Лукаша.

Лукаш

Кто ты? Чего ты тут ходишь?

Фигура

Я несчастная Доля.
Завела меня в дебри
Неразумная воля.
И теперь, чуть живая,
По лесам я блуждаю,
К земле припадаю, где найти, не знаю,
Путь к ушедшему раю.
Позасыпаны снегом
Все тропинки глубоко...
Знать, придется мне в дебрях
Погибать одиноко!..

Лукаш

Ты сломай, моя Доля,
Хоть вон ту хворостинку,
Чтобы снег разместить, чтоб себе провести
Хоть одну бы тропинку!

Доля

Здесь когда-то весной
Я ходила-гуляла,
Я цветы для приметы
По дорожкам сажала.
Ты их с корнем повыврал,
Побросал их под ноги...
Ничего теперь нет, не осталось примет,
Где искать мне дороги.

Лукаш

Разгреби, моя Доля,
Ты сугробы руками, —
Хоть единый цветочек
Отыщи под снегами.

Доля

Отморожены руки,
Трудно пальцами двинуть...
Плачу я, тоскую, вижу я и чувю,
Что придется мне сгнуться.
(*Со стоном падает.*)

Лукаш

(*протягивает к ней руки*)

Ой, скажи, посоветуй,
Как прожить мне без доли!

Доля

(*указывает на землю у него под ногами*)

Как засохшая ветка,
Что брошена в поле!
(*Уходит, шатаясь, и исчезает в снегах.*)

Лукаш наклоняется над тем местом, на которое указала Доля, и находит свирель, сделанную из вербы, ту, которую он бросил; берет ее в руки и идет через белую поляну к березе. Садится под длинными ветвями, покрытыми снегом, вертит в руках свирель, иногда усмехаясь, как ребенок. Легкая белая фигура, напоминающая Мавку, появляется из-за березы и склоняется над Лукашом.

Фигура Мавки

Сыграй, сыграй, дай сердцу голос!
Оно одно осталось от меня.

Лукаш

Опять?.. Ко мне явилась ты вампиром,
Чтоб выпить кровь мою? Так пей же, пей!
(*Раскрывает грудь.*)

Живи моею кровью! Так и нужно
За то, что я сгубил тебя...

Мавка

Нет, милый!
Да ты ж мне душу дал, как острый нож
Дает отростку вербы тихий голос.

Лукаш

Я душу дал? А тело загубил!
Что ты теперь? Тень! Призрак! Привиденье!
(С невыразимой тоскою смотрит на нее.)

Мавка

О, не жалею мое тело!
Ясным огнем засветилось оно,
Чистым, сверкающим, словно вино,
Вольными искрами ввысь улетело.

Примет родная земля
Пепел мой легкий и вместе с водою
Вербу взрастит материнской рукою,—
Станет началом кончина моя.

Тихими стежками люди
Станут весной ко мне приходить.
Радость и горе свое приносить
И отвечать им душа моя будет.

Встречу я всех, как родных,
Шелестом листьев и ласковой тенью,
Тихую песней свирели весенней,
Теплой росой на ветках моих.

Я расскажу им, сыграю
Все, что когда-то мой милый играл,
Все, что когда-то он мне доверял,
Грезы в лесу собирая...
Милый, играй, умоляю!

Лукаш начинает играть. Вначале мотив грустный, как шум зимнего ветра, как печаль о чем-то погибшем, но незабываемом, но вскоре победная мелодия любви покрывает тоскливый напев. Вместе с песней изменилась и природа: береза шелестит кудрявой листвою, весенние звуки раздаются в зеленеющем лесу. Темный зимний день превращается в ясную лунную весеннюю ночь. Появляется Мавка в звездном венке, такая же, как вначале. Лукаш бросается к ней с возгласом счастья. Ветер сбивает с деревьев белый цвет. Этот цвет летит, летит, закрывая влюбленную пару, и дальше переходит в сильный снегопад. Когда снегопад немного уменьшается, перед глазами снова зимняя природа. Деревья засыпаны снегом. Лукаш сидит одиноко со свирелью в руках, прислонившись к березе. Глаза его закрыты, на устах застыла счастливая улыбка. Он сидит без движенья. Снег шапкой лег ему на голову, заполировал всю фигуру и падает, падает без конца...

25 июля 1911 г.